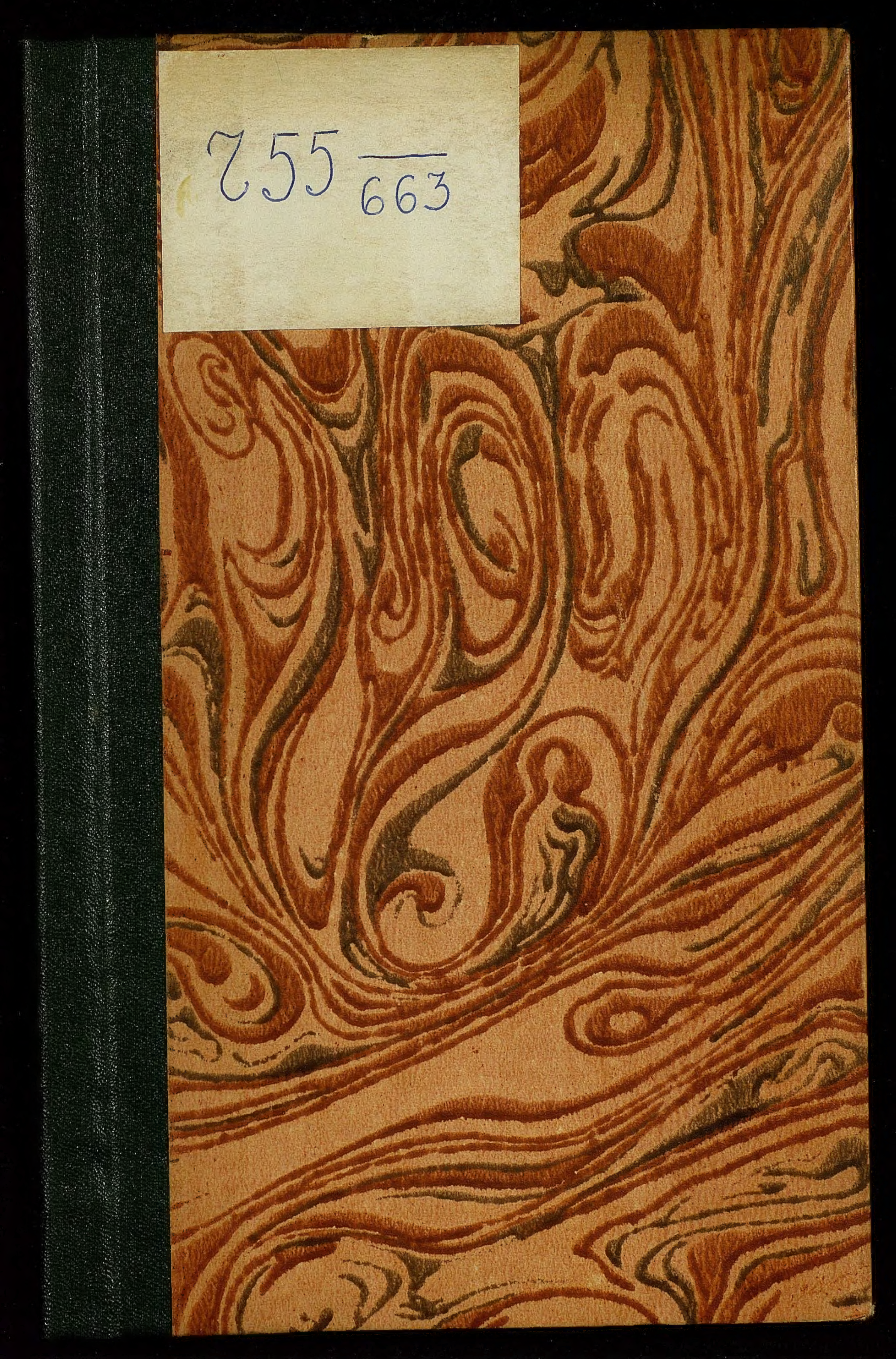
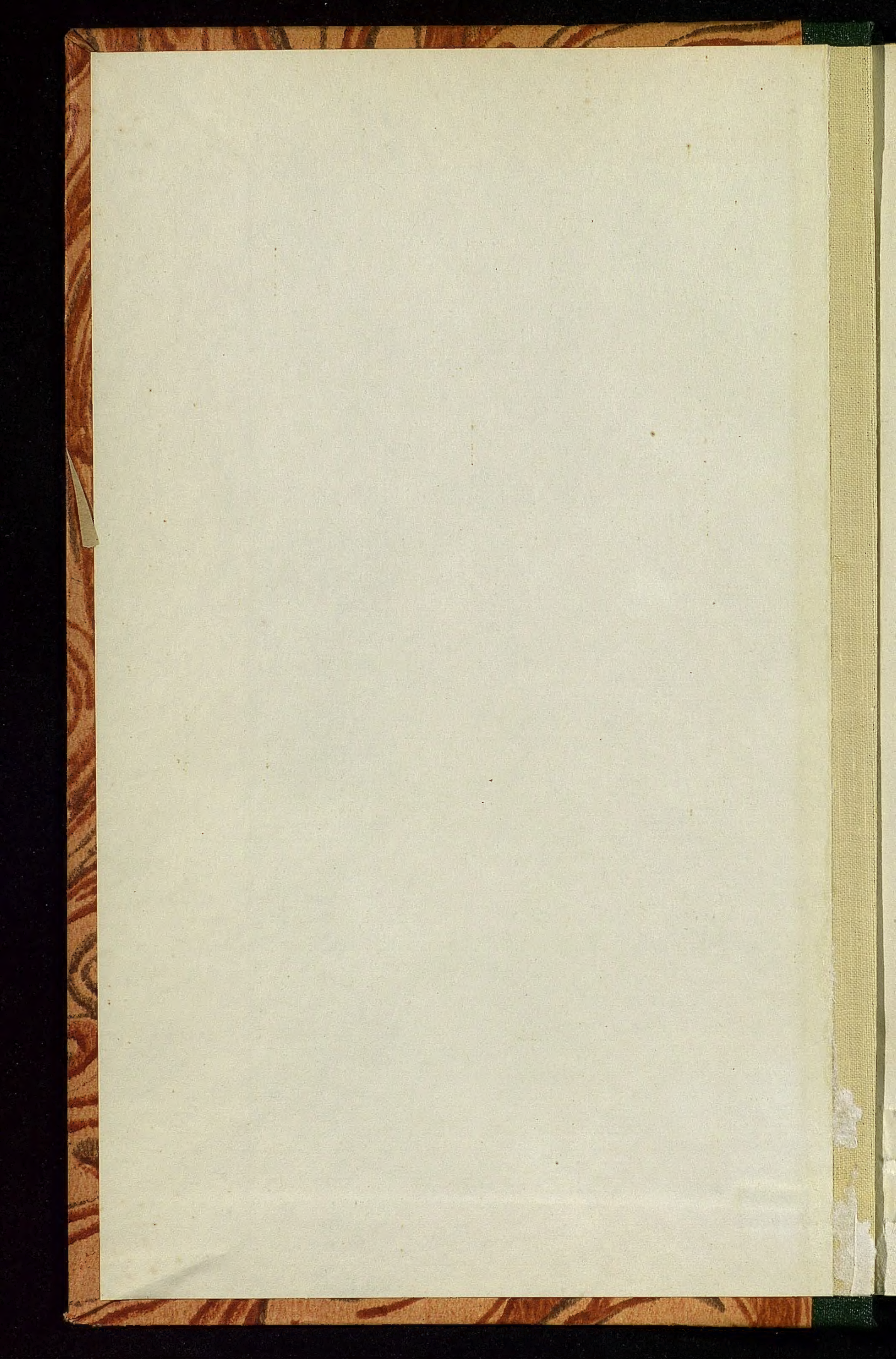
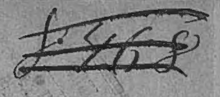

255
663





ГРАМОТНОСТЬ И ГРАМОТА.

Анализъ усвоенія грамоты. Условія, препятствующія широкому распространенію грамотности. Критика русской грамоты и способовъ ея изученія. Возможно ли достигнуть того, чтобы въ Россіи всѣ были грамотны? Мысли о грамотномъ человѣчествѣ.

А. И. ЛОНАЧЕВСКАГО.



ГОМЕЛЬ.

Типо-Лит. Ш. Подземскаго, арендуемая А. Шимановичемъ и Г. Брилемъ.

1891.









ГРАМОТНОСТЬ и ГРАМОТА.

Анализъ усвоенія грамоты. Условія, препятствующія широкому распространенію грамотности. Критика русской грамоты и способовъ ея изученія. Возможно ли достигнуть того, чтобы въ Россіи всѣ были грамотны? Мысли о грамотномъ человѣчествѣ.

А. И. ЛОНАЧЕВСКАГО.



ГОМЕЛЬ.

Типо-Лит. Ш. Подземскаго, арендуемая А. Шимановичемъ и Г. Брилемъ.

1891.

Дозволено цензурою 29 Апрѣля 1891 г. Вильна.





ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Главныя препятствія къ распространенію грамотности.

(Вмѣсто предисловія).

Въ 1860 году, подобно эпидеміи, русскую интелигенцію охватила одна идея, одно желаніе — безграмотную Россію сдѣлать грамотною. Я поступилъ въ Кіевскій университетъ въ разгаръ эпидеміи, уже зараженнымъ ею. Отъ кого пристала ко мнѣ зараза — я не зналъ; точно также и остальные всѣ не могли бы указать, когда и отъ кого они заразились: зараза носилась въ воздухѣ и приставала ко всѣмъ. Студенты университета и духовной академіи, гимназисты и гимназистки (по тогдашнему: пансіонерки), чины военные и гражданскіе, духовные и полицейскіе, дамы и дѣвицы—всѣ принялись устраивать воскресныя школы и преподавать въ нихъ: въ этомъ чувствовалось всѣми исполненіе какого-то долга, какой-то обязанности передъ простымъ народомъ. Уличные мальчишки и дѣвочки, парни и дѣвки, даже женатые—всѣ шли къ намъ въ школу: мы съ увлеченіемъ учили, они прилежно учились.

Обученіе велось по новому тогда звуковому методу, отъ котораго мы, учившіеся по-старинному, ожидали очень многаго. Тѣмъ не менѣе успѣхъ превзошелъ даже наши пылкія ожиданія: въ какихъ-нибудь двадцать уроковъ намъ удавалось обучить грамотѣ совершенно безграмотнаго мальчугана. Юные мечтатели, мы, студенты, уже прозрѣвали въ будущемъ всю Россію грамотною; вычисляли даже время, когда именно это должно случиться. Мы составляли прогрессію при условіи, что каждый грамотный ежегодно обучитъ грамотѣ только одного, при чемъ каждый вновь обучившійся тоже долженъ ежегодно обучать по одному и

т. д.; выходило, что такимъ образомъ отъ одного грамотнаго въ пятнадцать лѣтъ могутъ научиться 32767 человѣкъ; слѣдовательно лѣтъ черезъ десять, двадцать у насъ не останется безграмотныхъ.

Юношескія мечтанія наши совершенно неожиданно прерваны были явленіями, которыхъ никто изъ насъ не предвидѣлъ. Наши ученики, научившись разбирать слова въ букварѣ, дальше вовсе не двигались. Для прочтенія строчки, и то съ ошибками почти въ каждомъ словѣ, они столько же употребляли времени, сколько мы для цѣлой страницы; а хуже всего было то, что при такомъ чтеніи они рѣшительно ничего не понимали изъ того, что сами читали, хотя въ то же время отлично понимали и съ увлеченіемъ слушали, если мы имъ читали.

Что же это такое?!

Послѣ безплодныхъ усилій двинуть дѣло дальше, впали мы сначала въ сомнѣніе, а потомъ и въ уныніе: мечта о грамотной Россіи померкла для насъ. Ученики наши тоже замѣтили, что, научившись разбирать слова „курьеза ради,“—они на этомъ и остановились, нисколько не сдѣлавшись ученѣе... Они тоже впали сначала въ сомнѣніе, а потомъ и въ уныніе: мечта о томъ, чтобы попасть хотя въ „пидпанки“, если не въ бары, померкла для нихъ.

Эпидемія воскресныхъ школъ прошла.

Однако жъ мечта о грамотной Россіи все-таки не покидала меня. Гдѣ-то глубоко въ тайникахъ души моей теплилась вѣра, что должно же существовать средство повсемѣстнаго распространенія грамоты. Не можетъ же быть, чтобы человѣчеству суждено было вѣчно дѣлиться на грамотныхъ и безграмотныхъ!

Мнѣ казалось, что слѣдуетъ для этого придумать наилучшій методъ обученія и наилучшую организацію школъ,—однако жъ какъ я ни усердствовалъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, все-таки ничего не придумалъ. Наконецъ я убѣдился, что въ этомъ направленіи предпринимали поиски многіе весьма талантливые умы, не моему чета, и уже открыли и Америку, и всѣ прочіе материки,—а остались развѣ какіе-нибудь крошечные островки.... Поэтому сталъ я болѣе и болѣе интересоваться другимъ вопросомъ: *въ чемъ же собственно заключается трудность грамоты? Что въ ней легче усваивается и что труднѣе?* Это было уже нѣчто новое, надъ чѣмъ талантливые умы еще очень мало рабо-

тали: а здѣсь-то именно, можетъ быть, и находится искомая Америка.

Съ цѣлью уяснить себѣ этотъ вопросъ, я сталъ сравнивать съ русской азбукой—одну за другой чужія азбуки.

Между прочимъ остановился я и на древней *кириллицѣ*.... Прежде всего читатель долженъ знать, что та азбука, которую мы называемъ этимъ именемъ, есть собственно продуктъ мудрствованія кіевскихъ средневѣковыхъ схоластиковъ, и въ современномъ своемъ видѣ очень мало представляетъ сходства съ первоначальнымъ твореніемъ Св. Кирилла. Хотя о дѣятельности славянскихъ первоучителей и написано чрезвычайно много ученыхъ сочиненій, однако жъ никто до сихъ поръ не побезпокоился возстановить дѣйствительную кириллицу въ томъ видѣ, въ какомъ она вышла изъ рукъ своего творца; я дерзнулъ приняться за эту реставрацію. По мѣрѣ того какъ мнѣ удавалось счищать съ такъ называемой кириллицы позднѣйшія наслоенія, передо мною открывалось великое твореніе геніальнѣйшаго ума: меня поразила дивная простота азбуки вмѣстѣ съ глубокой мудростью,—меня поразила нигдѣ, кромѣ Кириллицы, не встрѣчающаяся полная *приспособленность буквъ къ звукамъ* языка, для котораго она была составлена. Порча и уродованіе Кириллицы послѣдовали послѣ смерти ея геніальнаго, божественнаго творца, подъ вліяніемъ двухъ причинъ: прежде всего изъ суетнаго желанія придать Кириллицѣ побольше сходства съ тогдашней азбукой—аристократкой (греческимъ алфавитомъ) и во вторыхъ, вслѣдствіе необходимости приспособить ее къ другимъ славянскимъ нарѣчіямъ.

Объ этомъ подробнѣе будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ; теперь же я ограничусь заявленіемъ, что древнюю Кириллицу я считаю идеальною азбукою. Если бы собрать всѣхъ филологовъ, сколько ихъ есть на свѣтѣ, то едва ли они сочинили бы что-либо умнѣе азбуки, какую сочинилъ Св. Кириллъ 1028 лѣтъ тому назадъ. Азбука Св. Кирилла послужила мнѣ компасомъ къ открытію той Америки, которую я искалъ еще со времени воскресныхъ школъ: съ помощью ея я уяснилъ себѣ причину, почему у насъ такъ туго распространяется грамота.

Совершенная азбука можетъ быть таковою только для одного языка; но основныя мысли, по которымъ она составлена, обязательны для всѣхъ азбукъ, имѣющихъ претензію на совершенство.

Отступленія же отъ этихъ основныхъ мыслей и составляютъ трудность изученія грамоты.

Цѣль моей книги двоякая: во первыхъ, я хочу доказать, что непомѣрная трудность русской грамоты есть главная причина медленнаго распространенія въ Россіи грамотности, и во вторыхъ, я имѣю въ виду указать тѣ трудности русской азбуки, которыя можно устранить безъ малѣйшаго ущерба для самой грамоты.

Читатель увидитъ, что азбука Св. Кирилла служила для меня звѣздой, при свѣтѣ которой я только и могъ усмотрѣть многія несовершенства русской азбуки.

Всѣ главы моего сочиненія представляютъ каждая отдѣльное изслѣдованіе; написаны онѣ въ разное время, подъ разными впечатлѣніями, а потомъ уже соединены вмѣстѣ и подчинены общей идеѣ. Каждое изслѣдованіе, взятое отдѣльно, и потомъ всѣ они вмѣстѣ—много разъ передѣлывались, переписывались и опять передѣлывались подъ вліяніемъ той или другой новой мысли, новаго соображенія....

ГЛАВА II.

Въ чемъ состоитъ грамотность?

Въ судахъ на вопросъ: „грамотны ли Вы?“ одинъ отвѣчаетъ самоувѣренно: „да“! другой же такъ или иначе ограничиваетъ свою грамотность съ помощью словъ: „невполнѣ“ „немного“; иной же, зная, чего отъ него хотятъ, заявляетъ: „подписаться могу.“ Не говоря уже о послѣднихъ, но и между тѣми, которые отвѣтили: „да!“ можетъ быть громадная разница въ степени ихъ грамотности. Однакожъ статистика не обинуясь заноситъ всѣхъ ихъ въ одну и ту же рубрику грамотныхъ: и профессора, и десятилѣтняго школьника, и уличнаго ратозѣя, который по складамъ разбираетъ вывѣску, и сельскаго старшину, котораго научили нацарапать свое имя и фамилію подъ бумагой, которой онъ не сумѣетъ прочесть.

По числу грамотныхъ въ статистическихъ таблицахъ такъ же можно судить объ образованности, какъ и о вооруженности страны

по числу ея „метательныхъ орудій", къ которымъ были бы причислены и пушки и луки.

Въ юридическихъ актахъ грамотнымъ считается каждый, кто можетъ нацарапать перомъ свое имя и фамилію.

Въ обыденной практической жизни мы привыкли подъ именемъ „вполнѣ грамотныхъ" разумѣть тѣхъ, кто можетъ бойко писать, хотя бы съ грубыми ошибками въ правописаніи; преподаватели же русскаго языка такихъ именно и называютъ безграмотными.

Редакторы и присяжные литераторы признаютъ безграмотными тѣхъ, кто не умѣетъ составить даже маленькой корреспонденціи для печати.

Въ народѣ называютъ полуграмотнымъ того, кто разбираетъ печатныя слова, а писать не умѣетъ.

Изъ этого видно, что слово „грамотный" не имѣетъ точнаго, опредѣленнаго значенія.... Поэтому да позволено мнѣ будетъ дать свое опредѣленіе „грамотности".

Умѣнье сознательно читать, то есть понимать читаемое, дѣлаетъ человѣка причастнымъ благъ цивилизаціи, давая ему возможность поучаться у всѣхъ мудрыхъ людей на безпредѣльномъ разстояніи пространства и времени. Только въ этомъ смыслѣ грамотность можетъ имѣть громадное значеніе. Но такъ какъ свободное воспріятіе читаемаго не возможно до тѣхъ поръ, пока ребенокъ-ли, взрослый-ли не научится *свободно и плавно читать;* поэтому подъ словомъ „грамотность" я разумѣю *умѣнье свободно и плавно читать*, и только того назову грамотнымъ, кто пріобрѣлъ это умѣнье.

Умѣнье же разобрать заглавіе сочиненія, вывѣску, подпись подъ картиной, а также написать письмо или составить счетъ—приноситъ практическую пользу, какъ и всякое иное умѣнье, напримѣръ: красить заборы, шить сапоги, пахать землю и пр.; но для саморазвитія, для самопросвѣщенія такая грамотность имѣетъ столько же значенія, какъ и умѣнье красить заборы, шить сапоги, пахать землю и пр....

Чѣмъ свободнѣе кто можетъ читать, тѣмъ болѣе онъ грамотенъ. Умѣнье писать оказываетъ столько же помощи самообразованію, какъ умѣнье литографировать или печатать. Я, напримѣръ, хочу знать библію, хочу ознакомиться съ Пушкинымъ, хочу постигнуть причину движенія паровоза—то есть, я жажду

знанія, жажду просвѣщенія: умѣнье писать, и бойко, и изящно, и даже совершенно правильно, столько же поможетъ мнѣ въ этомъ, какъ и умѣнье литографировать или печатать. Впрочемъ едва ли можно найти человѣка, который, умѣя свободно и плавно читать, не умѣлъ бы бойко писать; обратное явленіе встрѣчается сплошь и рядомъ: множество отличныхъ писарей, особенно изъ военныхъ, читаютъ плохо, хотя и пишутъ очень бойко; это происходитъ вслѣдствіе того, что *навыкъ* письма дается гораздо скорѣе. Я зналъ одного телеграфиста, который черезъ мѣсяца два упражненій на аппаратѣ, научился прекрасно выбивать; но читалъ телеграфныя ленты съ большимъ усиліемъ.

ГЛАВА III.

Значеніе навыка.

Всѣ наши умѣнья слагаются изъ двухъ элементовъ: изъ *знанія* и изъ *навыка*.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ роль знанія исполняетъ инстинктъ; таковы наши умѣнья: дышать, жевать, глотать, отчасти ходить и проч. Сюда же можно отнести и умѣнье произносить слова, такъ какъ мы даже не замѣчаемъ, какимъ образомъ это происходитъ: достаточно захотѣть произнести то или иное слово, и оно произносится какъ бы само собою. Уже впослѣдствіи, въ школѣ, учитель заставляетъ насъ обратить вниманіе и замѣтить, что иные звуки мы дѣлаемъ языкомъ, иные губами и проч. Эти и подобныя умѣнья отличаются двумя чрезвычайно важными свойствами: во первыхъ, они требуютъ отъ насъ самаго ничтожнаго количества *вниманія* и во вторыхъ, они не вызываютъ ни малѣйшаго *умственнаго утомленія*. Можно ходить по комнатѣ, ѣсть яблоко и въ то же время обдумывать философскій вопросъ.

Въ періодъ сознательнаго возраста пріобрѣтенію каждаго умѣнья должно предшествовать *знаніе*, и только съ прибавленіемъ къ знанію *навыка* получается *умѣнье*. Чѣмъ больше навыка, тѣмъ выше умѣнье. Навыкъ вырабатывается безконечно многократнымъ повтореніемъ одной и той же работы. Исполненіе работы при

маломъ навыкѣ требуетъ отъ насъ неослабнаго *вниманія* и вызываетъ *умственное утомленіе*.

Когда бабушка приступаетъ къ обученію внучки какому-нибудь рукодѣлію, напр. вязанью шарфа, то она предварительно показываетъ, какъ держать спицы и нитку, какъ дѣлать петли и т. д. Смѣтливая дѣвочка въ одинъ, въ два урока вполнѣ *пойметъ* эту нехитрую работу, то есть, усвоитъ всѣ нужныя *знанія*. Но здѣсь еще нѣтъ умѣнья, потому что нѣтъ навыка. Чтобы дѣлать петли, дѣвочкѣ необходимо сосредоточивать на работѣ все свое вниманіе. Пусть она на одинъ мигъ чѣмъ-нибудь развлечется, сейчасъ является неправильность, ошибка. Понятно, что подобная работа не можетъ не вызвать и умственной усталости. Представьте такую семейную картину. Зимнимъ вечеромъ въ комнатѣ сидятъ: дѣвочка, ея мать и бабушка; каждая вяжетъ шарфъ. Дѣвочка впилась глазенками въ работу, пальчики ея неравномѣрно и по временамъ судорожно движутся; иногда у нея слезы показываются на глазахъ отъ досады, что сдѣлала ошибку; между тѣмъ мать и бабушка, не прекращая работы, ведутъ бесѣду; пальцы ихъ какъ бы сами собой перебираютъ спицы. Однакожъ наблюдая за обѣими, вы замѣтите, что пальцы бабушки бѣгаютъ шибче, что она рѣже смотритъ на свою работу,—что слѣдовательно она большая мастерица. Такова разница навыка,—хотя знанія одни и тѣ же у всѣхъ трехъ.

Работа безъ навыка поглощаетъ всего человѣка, -какъ дѣвочку въ приведенномъ примѣрѣ. По мѣрѣ увеличенія навыка, все большая и большая часть работы совершается какъ бы сама собою, чисто механически; вслѣдствіе этого часть умственныхъ силъ остается свободною и можетъ быть употреблена для иной умственной работы, напримѣръ, хотя бы для бесѣды.

Умѣнье читать также состоитъ изъ *знанія* и *навыка*. Пока навыкъ не пріобрѣтенъ, весь умъ и все вниманіе поглощается процессомъ чтенія; здѣсь не можетъ быть и рѣчи о сознательномъ чтеніи: содержаніе или вовсе не воспринимается, или же воспринимается въ смутномъ и часто въ извращенномъ видѣ.

Различіе между знаніемъ и навыкомъ можно уяснить еще на одномъ примѣрѣ. Самъ лично я не имѣлъ счастья слышать игру г. Рубинштейна; въ газетахъ же читалъ, что этотъ царь фортепьяна очаровываетъ всѣхъ своей дивной игрой… Онъ только смотритъ въ ноты, а *пальцы его какъ будто сами бѣгаютъ по кла-*

вишамъ, извлекая плѣнительные звуки. Представьте же себѣ, что мы сдѣлали фортепьянъ, въ которомъ струны расположены не въ общепринятомъ, а въ обратномъ порядкѣ: съ лѣвой стороны у насъ будетъ самая высокая нота, слѣдующая—ниже и такъ дальше до конца. Пусть бы г. Рубинштейнъ попробовалъ сыграть на этомъ новомъ инструментѣ. Увы! въ *этомъ* царствѣ звуковъ, разставленныхъ въ иномъ порядкѣ, онъ уже не былъ бы царемъ. При немъ по-прежнему остался бы его музыкальный генiй, его глубокое знанiе и пониманiе музыки, его непостижимый механизмъ рукъ; но въ данномъ случаѣ его прежнiй *навыкъ* былъ бы непримѣнимъ,—генiальнѣйшiй фортепьянистъ ничего бы не сыгралъ! Пусть знатоки дѣла рѣшаютъ, сколько потребовалось бы времени для прiобрѣтенiя г. Рубинштейну новаго навыка на преобразованномъ фортепьянѣ, чтобы играть такъ, какъ онъ играетъ теперь: полагаю, что понадобились бы цѣлые годы. Такое же значенiе навыка и относительно грамоты.

Современные рацiональные педагоги прозѣвали значенiе навыка при начальномъ обученiи: слона и не замѣтили! Вслѣдствiе этого все начальное обученiе поставлено совершенно неправильно.

ГЛАВА IV.

Постепенность усвоенiя грамоты.

По увѣренiю учителей народныхъ школъ, вполнѣ достаточно двухъ мѣсяцевъ, чтобы безграмотнаго мальчика научить читать.

Но какое это чтенiе? это только умѣнье разбирать коротенькiя слова, да и то *съ огромнымъ напряженiемъ умственныхъ силъ*. Ребенокъ, желая разобрать слово, воспринимаетъ каждую букву отдѣльно, припоминая ея произношенiе; составленiе слога изъ буквъ для него очень трудная задача; при этомъ безъ навыка зачастую и порядокъ буквъ путается: вмѣсто *всѣ* вдругъ выйдетъ *свѣ*, и даже вмѣсто *но* часто получается *он*. Трудность увеличивается еще различнымъ произношенiемъ одной и той же буквы, какъ въ словѣ *тетенько* два первые одинаковые на письмѣ

слога читаются совершенно различно. Поэтому самый процессъ чтенія первоначально составляетъ чрезвычайно трудную и утомительную умственную работу: послѣ пяти минутъ этой работы ребенокъ окончательно устаетъ и не можетъ читать со вниманіемъ; онъ начинаетъ схватывать по двѣ, по три буквы въ словѣ, и по нимъ сочиняетъ на угадъ слова. О сознательномъ чтеніи здѣсь не можетъ быть и рѣчи: поэтому умѣнье разбирать отдѣльныя слова,—это та же безграмотность. Только раціональные нѣмецкіе педагоги, рѣшающіе живые вопросы по методамъ трансцендентальной философіи, могли придумать такой вздоръ, какъ „обученіе сознательному чтенію": пока не пріобрѣтенъ навыкъ, сознательнаго чтенія не можетъ быть; когда же пріобрѣтенъ навыкъ свободнаго чтенія, пониманіе читаемаго явится само собою,—какъ это и было со всѣми, обучавшимися грамотѣ до рожденія раціональной педагогики, какъ было и съ ея изобрѣтателями, забывшими объ этомъ.

Отъ продолжительнаго упражненія въ разбираніи словъ появляется навыкъ на первыхъ порахъ въ ничтожномъ количествѣ. Онъ состоитъ въ томъ, что какая-то частица работы въ разбираньи словъ исполняется безсознательно, механически, а потому и процессъ чтенія не требуетъ уже такого крайняго напряженія умственныхъ силъ. Навыкъ пріобрѣтается медленно и постепенно, безъ рѣзкихъ границъ между ступенями.

Пользуясь тремя русскими словами—*малограмотный*, *полуграмотный* и *грамотный*, я обозначу приблизительно три степени грамотности съ своей точки зрѣнія.

Начнемъ съ *малограмотнаго*. Процессъ чтенія для него утомителенъ; онъ можетъ прочесть и понять вывѣску, подпись подъ картиной и даже маленькій анекдотъ или разсказъ строкъ въ десять, но не больше. Примѣръ малограмотности представляютъ солдаты, городская прислуга. Чтеніе для нихъ—тяжелая умственная работа, независимо отъ содержанія книги.

Полуграмотный все еще въ большей или меньшей степени утомляется процессомъ чтенія; однакожъ онъ можетъ прочесть небольшую книжку такого содержанія, которое не требуетъ отъ него ни малѣйшаго умственнаго напряженія, какъ напримѣръ сказку. Полуграмотные безъ упражненія легко становятся малограмотными, такъ какъ каждый навыкъ обязательно слабѣетъ безъ ежедневнаго упражненія.

Грамотный человѣкъ читаетъ совершенно свободно, безъ запинки, безъ усилія. Впрочемъ и здѣсь могутъ быть разныя степени навыка. Идеальный навыкъ былъ бы тогда, если бы мы на процессъ чтенія затрачивали столько же умственныхъ силъ, какъ и на процессъ произношенія словъ. Навыкъ грамотнаго человѣка представляетъ что-то неразгаданное, непостижимое: достаточно провести глазами по сторкѣ, и слова ея тотчасъ сами собой, какъ бы мимо нашей воли, произносятся умственно, даже быстрѣе, чѣмъ можно ихъ выговорить. Вполнѣ грамотный, въ видѣ отдохновенія послѣ тяжкой умственной работы, съ удовольствіемъ беретъ въ руки романъ легкаго содержанія, за чтеніемъ котораго будетъ проводить сколько угодно часовъ, безъ малѣйшей умственной усталости. Только вполнѣ грамотный можетъ всѣми силами ума вникать въ содержаніе читаемаго. Только ему открытъ широкій путь къ просвѣщенію. Вполнѣ грамотный, при самой крошечной любознательности, всегда добудетъ книгу для чтенія.

Современная раціональная педагогія полагаетъ всю свою заботу лишь объ умственномъ развитіи, слишкомъ торопливомъ и часто насильственномъ; причемъ оставлено въ пренебреженіи то, что должно быть самымъ важнымъ и существеннымъ—научить дѣтей свободно и плавно читать.

Забота о сочиненіи книжекъ для народа, даровая ихъ раздача или продажа по дешевой цѣнѣ, забота объ устройствѣ народныхъ читаленъ и библіотекъ, все это не принесетъ ни малѣйшей пользы, пока нашъ малограмотный и полуграмотный народъ не научится читать, какъ слѣдуетъ; научившись же читать, онъ и самъ добудетъ книгъ для чтенія.

Всѣ усилія ревнителей народнаго просвѣщенія должны быть направлены къ одной цѣли: *научить свободно и плавно читать,* а остальное все приложится само собою.

Вообще въ Россіи очень мало читаютъ, даже такъ называемые „вполнѣ грамотные“; главной причиной слѣдуетъ считать неумѣнье легко и свободно читать.

ГЛАВА V.

Трудность русской грамоты.

Слѣдуетъ различать обученіе дѣтей грамотѣ въ образованномъ семействѣ и въ необразованномъ.

Хотя и принято приступать къ формальнымъ урокамъ не раньше семилѣтняго возраста, однакожъ дѣти образованныхъ родителей очень рано начинаютъ знакомиться съ грамотой. Видя, что большіе постоянно читаютъ, часто уже на второмъ году дѣти изображаютъ изъ себя читателей: устремивъ глазенки въ раскрытую книгу, они мурлычатъ безсвязныя слова. На четвертомъ, иногда и на третьемъ году, они уже знаютъ одну, двѣ и больше буквъ. Какъ только ребенокъ научился разбирать слова, что случается часто и на шестомъ году, въ жизни его не бываетъ ни одного дня, въ который онъ не прочелъ бы хоть нѣсколькихъ словъ. Такимъ образомъ навыкъ чтенія пріобрѣтается незамѣтно, какъ бы самъ собою. Тѣмъ не менѣе далеко не всѣ дѣти приступаютъ къ самостоятельному чтенію и въ десять лѣтъ. На пріемныхъ экзаменахъ въ первый классъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ возрастѣ 10—12 лѣтъ, всѣ читаютъ пославянски очень плохо и лишь нѣкоторые болѣе или менѣе свободно читаютъ порусски. Изъ этого мы заключаемъ, что для усвоенія ребенкомъ нашей грамоты въ указанномъ выше смыслѣ, нужно никакъ не менѣе пяти лѣтъ, даже при благопріятныхъ условіяхъ.

Для ребенка, въ семьѣ котораго всѣ безграмотны, единственный путь къ ученію составляетъ народная школа, которой курсъ продолжается только *три года*. Оканчивающіе здѣсь ученье мальчики очень плохо читаютъ порусски, а пославянски и того хуже: поэтому-то, а не по чему иному, по окончаніи школы они не читаютъ ничего, кромѣ сказокъ—да и то изрѣдка, со скуки. По этому-то бываютъ случаи, что они впослѣдствіи разучиваются и читать. Вообще можно сказать, что оканчивающіе народную школу— *полуграмотны* въ указанномъ прежде значеніи этото слова; къ этому примите во вниманіе, что простой народъ говоритъ мѣстными нарѣчіями, болѣе или менѣе отличающимися отъ литературнаго языка; для полуграмотнаго и это обстоятельство имѣетъ большое значеніе. Какія бы прекрасныя книги ни сочиняли мы для

народа, народъ все-таки не будетъ ихъ покупать, и даже при даровой раздачѣ—не станетъ читать ихъ; потому что школа не научила его свободно читать. Но она и не можетъ научить, потому что курсъ ея слишкомъ не продолжителенъ. Если дѣтямъ образованныхъ родителей мы назначили пять лѣтъ для пріобрѣтенія механизма чтенія, то дѣтямъ безграмотныхъ родителей необходимо для этого больше времени. Если мы хотимъ, чтобы русская народная школа давала дѣтямъ дѣйствительную грамотность, то есть умѣнье читать книги; то курсъ народной школы нужно сдѣлать вдвое продолжительнѣе, то есть шестилѣтнимъ. Но въ Россіи не достанетъ средствъ для содержанія такихъ школъ въ достаточномъ количествѣ; да при томъ и окончить школу съ шестилѣтнимъ курсомъ могутъ дѣти только наиболѣе состоятельныхъ родителей. Выходитъ, что *русская грамота непосильно трудна для большинства русскаго народа; она доступна только болѣе зажиточному меньшинству, а остальнымъ предстоитъ вѣчно коснѣть въ безграмотности!*

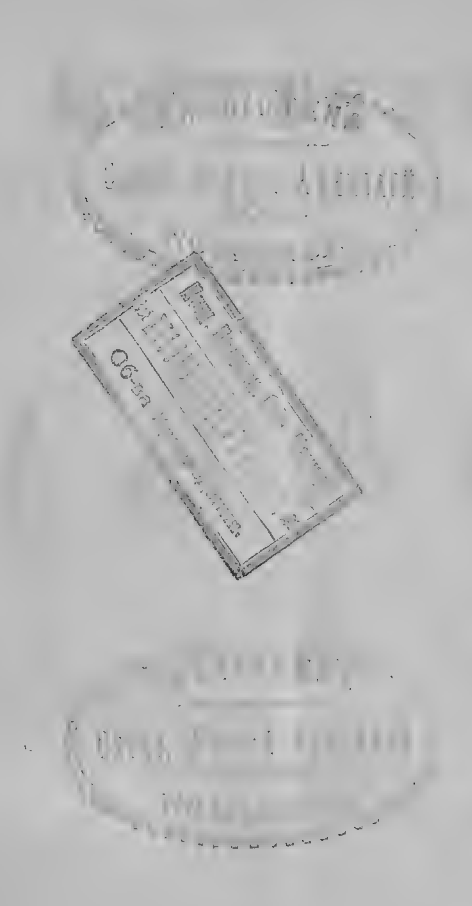
Какъ это ни страшно, но это, къ сожалѣнію, вѣрно! Остается единственное средство выйти изъ этого печальнаго положенія—облегчить русскую грамоту.

ГЛАВА VI.

Думмшрифты.

Вопросъ объ облегченіи грамоты часто поднимался и у насъ, и за границей. Замѣчательно, что въ этомъ случаѣ касались только правописанія какой-нибудь буквы, въ родѣ нашей ижицы; но никто никогда не обращалъ вниманія на самую важную ея трудность: на излишество буквенныхъ начертаній.

Во всѣхъ азбукахъ и грамматикахъ говорится о числѣ *буквъ*, но не упоминается о числѣ *буквенныхъ начертаній;* между тѣмъ въ обиліи буквенныхъ начертаній и заключается главная трудность при усвоеніи навыка чтенія. Чтобы облегчить изученіе грамоты, нужно прежде всего уменьшить число буквенныхъ начертаній. Къ сожалѣнію, просвѣщенная Европа слишкомъ увлекается обиліемъ и условной ихъ красотою, а особенно нѣмцы.



Къ страницѣ 13.

ОБРАЗЦЫ
РУССКИХЪ ШРИФТОВЪ.



Извѣстно, что нѣмцы все возводятъ въ науку, которая у нихъ иногда состоитъ только въ томъ, чтобы разнообразіе предметовъ распредѣлить по классамъ, родамъ, видамъ и т. д.; они сгруппировали и всевозможныя буквенныя начертанія, распредѣливъ ихъ по классамъ, родамъ, видамъ и т. д., и создали науку о шрифтахъ, которую и стали преподавать въ своихъ школахъ. Извѣстно, что мы, русскіе, считаемъ священною обязанностью пересаживать на русскую почву всякую нѣмецкую выдумку: пересадили и нѣмецкую науку о буквенныхъ завитушкахъ и закорючкахъ. Во многихъ русскихъ школахъ очень добросовѣстно обучаютъ дѣтей писать всевозможными шрифтами, какъ будто чему-нибудь серьезному, дѣльному.

Есть много иностранныхъ сочиненій (иныя стоятъ цѣлыя сотни рублей) о шрифтахъ: любознательнаго читателя отсылаю къ этимъ сочиненіямъ. Я же, для иллюстраціи, ограничусь просьбой къ наборщику набрать на особой страницѣ всѣ начертанія первыхъ двухъ буквъ, какія имѣются въ типографіи. Пусть читатель полюбуется этимъ проявленіемъ европейскаго генія, который виденъ какъ въ разнообразіи закорючекъ, такъ и въ мудренныхъ названіяхъ шрифтовъ. Совокупность всѣхъ шрифтовъ, которые не имѣютъ общепринятаго употребленія, а служатъ только для забавы просвѣщенныхъ европейцевъ, не имѣетъ общаго названія: мы предлагаемъ для этого слово „Думмшрифты“. Ни одна въ мірѣ наука не обогащается такъ быстро матеріаломъ, какъ Думмшрифтологія. Маляры вывѣсокъ, калиграфы, рѣзчики печатей, литейщики буквъ, издатели дамскихъ узоровъ, писаря, всѣ эти добродушные Акакіи Акакіевичи Башмачкины, вѣчно созидаютъ какія-нибудь новыя завитушки въ буквахъ, новыя каракульки,—а нѣмецъ все это вноситъ въ науку. Однакожъ изъ всей породы Башмачкиныхъ никто столько не усердствуетъ, какъ непризнанные художники, попавшіе въ иллюстраторы сатирическихъ журналовъ. Все остроуміе своихъ иллюстрацій они полагаютъ въ надписяхъ изъ такихъ хитрыхъ и замысловатыхъ закорючекъ, что нужно разбирать ихъ, какъ шарады.

Страсть Европы къ думмшрифтамъ безъ всякой надобности затрудняетъ изученіе грамоты.

Какъ только ученикъ началъ обучаться чтенію съ учителемъ, онъ продолжаетъ чтеніе и безъ учителя—или совершенно самостоятельно, или совмѣстно съ товарищами, или при помощи

кого-нибудь грамотнаго. Упражненія состоятъ сначала въ отыскиваніи знакомыхъ буквъ, затѣмъ въ чтеніи отдѣльныхъ словъ и наконецъ фразъ. Формальные уроки даютъ только толчки, навыкъ же чтенія пріобрѣтается преимущественно внѣ уроковъ. Не будь этихъ внѣурочныхъ упражненій, изученіе грамоты растянулось бы на очень долгое время.

Внѣклассныя упражненія происходятъ ежедневно, иногда и ежечасно, но всегда на самое короткое время, не вызывая поэтому ни малѣйшаго утомленія. Ученикъ употребитъ какихъ-нибудь полъ минуты, чтобы прочесть заглавіе книги, но за то образъ прочитаннаго отлично укладывается въ умѣ, ничѣмъ въ данную минуту не обремененномъ.

Предметомъ для этихъ внѣклассныхъ упражненій служить все то, что изображено большими буквами и состоитъ изъ одного или нѣсколькихъ словъ: заглавія книгъ и газетъ, вывѣски, адресы на конвертахъ, таблички съ названіемъ улицъ и домовъ, афиши, отдѣльныя слова въ газетныхъ объявленіяхъ, всевозможные этикетки, подписи подъ картинами, визитныя карточки и тому подобное. Къ сожалѣнію, думмшрифты и употребляются именно въ этихъ случаяхъ, и они своею вычурностью прежде всего привлекаютъ вниманіе. Упражненіе на думмшрифтахъ нисколько не помогаетъ пріобрѣтенію *навыка* въ чтеніи общепринятыхъ буквъ, подобно тому какъ упражненія на скрипкѣ не увеличиваютъ навыка играть на фортепьянѣ. Но такъ какъ думмшрифты съ каждымъ днемъ отвоевываютъ себѣ все большее поприще, поэтому и изученіе грамоты все больше затрудняется. Объ этомъ Акакіи Акакіевичи никогда не думаютъ.

Калиграфы, маляры вывѣсокъ и убогіе творчествомъ иллюстраторы увѣряютъ, будто въ думмшрифтахъ сказывается стремленіе къ изящному, присущее человѣческой природѣ. Но вѣдь и самое стремленіе къ изящному должно управляться разумомъ: въ стремленіи къ изящному дикари татуируются, китаянки мучатъ свои ноги,—и мы имъ, слава Богу, не подражаемъ въ этомъ.

Думмшрифты по существу -это чисто дѣтская забава. Впрочемъ не одни дѣти любятъ придумывать всевозможныя завитушки и закорючки въ буквахъ: даже межъ взрослыми считается за особенный шикъ употреблять какое-нибудь хитрое изображеніе буквы, особенно въ своей подписи. Каждому ребенку хочется писать буквами собственнаго изобрѣтенія; у многихъ это остается на

всю жизнь: отсюда крайнее разнообразіе и неразборчивость почерковъ, отсюда и происхожденіе руммшрифтовъ. Взрослымъ людямъ неприлично забавляться думмшрифтами, точно такъ же какъ неприлично кривляться и гримасничать, какъ неприлично умышленно коверкать въ разговорѣ слова.

Азбука святаго Кирилла отличалась дивной простотой начертаній: ни одной лишней закорючки, ни одной завитушки въ буквахъ. Думмшрифты явились впослѣдствіи; святому Кириллу и его сотрудникамъ не было времени заниматься такими пустяками.

Первое и основное облегченіе грамоты я полагаю въ упраздненіи всѣхъ думмшрифтовъ. Черезъ это усвоеніе грамоты облегчится гораздо болѣе, нежели можетъ показаться при поверхностномъ наблюденіи.,.. Пока не пріобрѣтенъ навыкъ, на упражненіе въ чтеніи употребляется слишкомъ мало времени—первоначально по нѣсколько минутъ въ день. Значительная часть этого драгоцѣннаго времени теперь тратится на безполезное чтеніе бьющихъ въ глаза думмшрифтовъ; потому и пріобрѣтеніе навыка затягивается, а вмѣстѣ съ тѣмъ слабѣетъ и охота къ упражненію въ чтеніи.

ГЛАВА VII.

Церковнославянская грамота.

Совершенная азбука должна имѣть по одной только буквѣ для каждаго элементарнаго звука. Всѣ языки, часто даже нарѣчія одного и того же языка, болѣе или менѣе различаются элементарными звуками; поэтому совершенная азбука можетъ быть таковою только для одного языка. Французамъ нѣтъ надобности въ нашихъ *х*, *ч*, *л*, потому что у нихъ нѣтъ соотвѣтствующихъ звуковъ. Точно также намъ не нужны буквы для носовыхъ звуковъ или для разныхъ оттѣнковъ звука *э*, свойственныхъ французскому языку.

Св. Кириллъ изобрѣлъ свою геніальную азбуку для тогдашняго болгарскаго языка, и она была совершенною только для одного этого языка. Уродованіе кириллицы началось вскорѣ послѣ смерти ея творца, еще въ Болгаріи: въ азбуку внесли безъ всякой надобности шесть греческихъ буквъ, которыхъ не было

у Св. Кирилла, и разные надстрочные знаки—тоже изъ греческой азбуки. Принятая въ этомъ подновленномъ видѣ въ Кіевѣ, кириллица подверглась здѣсь еще большимъ уродствамъ; съ теченіемъ времени измѣнилось самое начертаніе буквъ—къ прежнимъ начертаніямъ стали прибавлять разныя украшенія. Болгарскій языкъ, для котораго сочинена была кириллица, былъ богаче звуками, нежели языкъ Кіевской Руси (малорусскій). Русскіе скоро потеряли преданіе о томъ, какъ слѣдуетъ читать буквы, изображающіе чуждые имъ звуки, и читали ихъ согласно мѣстному выговору. Такимъ образомъ церковнославянскій языкъ съ теченіемъ времени совершенно приспособился къ русскому языку относительно элементарныхъ *звуковъ*; но такъ какъ *буквы* остались тѣ же, поэтому для нѣкоторыхъ звуковъ явилось по двѣ, по три и даже по четыре буквы. Кириллица сдѣлалась чрезвычайно трудною какъ для церковнославянскаго, такъ и для русскаго языка. Петръ Великій оказалъ величайшее благодѣяніе русскому народу изобрѣтеніемъ новой азбуки—*гражданки*, которая оказалась поразительно легкою сравнительно съ изуродованной кириллицей, и при томъ совершенно одинаково пригодной какъ для русскаго, такъ и для церковнославянскаго языка. Но такъ какъ кириллица неудобна для скорописи, поэтому въ письмѣ всѣ стали употреблять гражданку, какъ въ русской, такъ и въ церковнославянской рѣчи; вскорѣ всѣ вовсе разучились писать кириллицей.

Наши духовные писатели, приводя славянскіе тексты, всегда пишутъ ихъ гражданкой, да такъ и печатаютъ; потому что ни одинъ наборщикъ не сумѣетъ набрать кириллицей то, что написано гражданкой. Съ каждымъ годомъ кириллица постепенно упраздняется сама собою. Даже православный молитвенникъ на славянскомъ языкѣ теперь печатается гражданкой. Въ настоящее время кириллица употребляется всего лишь въ нѣсколькихъ книгахъ, изъ года въ годъ перепечатываемыхъ безъ измѣненій, прямо съ печатнаго текста предшествующаго изданія. Кириллица сдѣлалась лишнею. Употребленіе ея послѣ того, какъ изъ нея родилась гражданка,—это тоже самое, какъ еслибы птица всю жизнь таскала за собою яичную скорлупу, изъ которой она вылупилась.

Въ употребленіи кириллицы въ настоящее время нельзя придумать ни малѣйшаго разумнаго основанія; это одно только

недоразумѣніе. Во время Петра Великаго стояла кровавая гроза раскола; изъ опасенія раздражить грозу, Петръ Великій не приказывалъ вводить своей азбуки въ церковно-славянскія книги. Но эта гроза давно прошла. Современные раскольники хотя и хулятъ Петра Великаго за его новшества, но даже эту хулу пишутъ его гражданкой.

Съ разрѣшенія Св. Синода, у насъ печатаютъ Евангеліе въ переводѣ на русскій языкъ; въ переводѣ оно представляетъ двоякое отступленіе отъ завѣщанной намъ старины: по языку и по буквамъ. Если бы Евангеліе на церковно-славянскомъ языкѣ напечатать гражданкой, то оно представило бы только одно отступленіе отъ старины: языкъ останется тотъ же, а только измѣнятся буквы.

Изъ молитвенника, катехизиса и изъ разныхъ сочиненій духовнаго содержанія можно повырѣзывать евангельскіе тексты, напечатанные гражданкой, и изъ вырѣзокъ составить полное Евангеліе. Отчего же такое Евангеліе печатается по кусочкамъ въ разныхъ книгахъ, а не печатается цѣликомъ въ одной книгѣ? Если же можно, безъ всякаго для кого бы то ни было соблазна, печатать церковно-славянское Евангеліе гражданкой, то почему же нельзя этого самаго Евангелія читать и въ церквѣ?

Полагаю, что теперь нѣтъ никого, кто бы считалъ скверной азбуку Петра Великаго; она давнымъ давно вошла въ нашъ православный храмъ—и на царскихъ манифестахъ, и на проповѣдяхъ священнослужителей, и на поминальныхъ книжкахъ, и на просфорахъ и пр.

Если бы кто сталъ увѣрять, что въ сознаніи русскаго грамотнаго народа съ кириллицей связывается представленіе о божественномъ, о церковномъ,—то это не справедливо. Укажу изъ множества два факта. Русскій торговецъ водкою г. Вольшмитъ на этикеткахъ своихъ издѣлій печатаетъ кириллицей: „ОЧИЩЕННОЕ ВИНО;“ изъ русскихъ журналовъ, заглавіе печатаетъ кириллицей „ШУТЪ, ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ КАРРИКАТУРЪ“ г. Эренпрейса. Никто однакожъ не выражаетъ за это неудовольствія на г. Вольшмита или на г. Эренпрейса, потому что никто не придаетъ важнаго значенія той или другой формѣ буквъ.

2

Кириллица давно уже представляетъ изъ себя ничто иное, какъ разлагающійся трупъ. Но въ объятіяхъ этого трупа, по недосмотру домашнихъ, оставленъ и церковно-славянскій языкъ, который черезъ это все болѣе и болѣе теряетъ свою жизненность. Народъ хоть кое-какъ читаетъ печатанное гражданкой; но ему вовсе недоступно то, что печатается кириллицей, даже и изъ окончившихъ народное училище.

Между тѣмъ молитвенники на церковно-славянскомъ языкѣ, напечатанные гражданкой, покупаются въ громадномъ количествѣ; поэтому-то и не представляется надобности печатать ихъ въ русскомъ переводѣ. Если бы печатать гражднкой славянское Евангеліе, то быть можетъ вовсе не понадобился бы его переводъ: не славянскій языкъ труденъ русскому человѣку, а кириллица. Я убѣжденъ, что каждый православный человѣкъ охотнѣе читалъ бы *напечатанную гражданкой* библію на величавомъ церковно-славянскомъ языкѣ, нежели въ неудачномъ русскомъ переводѣ. Удачно же передать церковно-славянскую рѣчь порусски рѣшительно невозможно.

Церковно-славянскій языкъ въ пренебреженіи у интеллигенціи, только благодаря кириллицѣ. Самые рьяные сторонники церковно-славянскаго языка, и тѣ соглашаются, что кириллица слишкомъ трудна, и потому признаютъ необходимымъ обученіе грамотѣ начинать по русской книгѣ, а потомъ уже переходить къ церковно-славянской. Съ упраздненіемъ же кириллицы останется одна гражданка, общая для обоихъ языковъ. Тогда возможно будетъ и практичекое рѣшеніе вопроса: на какомъ языкѣ начинать обученіе грамотѣ въ русской народной школѣ? Разрѣшится ли этотъ вопросъ въ пользу русскаго языка, или въ пользу церковно-славянскаго,—въ обоихъ случаяхъ ученики будутъ имѣть дѣло съ одной и той же азбукой, съ одной и той же грамотой.

Въ народной школѣ назначены уроки славянскаго языка; на практикѣ же они сводятся почти исключительно на изученіе 44-хъ мудреныхъ буквъ кириллицы да титлъ. Всѣми признано, что изученіе языка способствуетъ умственному развитію; изученіе же славянскаго языка сверхъ того должно бы дать и высокую духовную пищу русскому ребенку. Между тѣмъ заучиваніе буквенныхъ начертаній, сверхъ выученныхъ на урокахъ русскаго языка, не представляетъ даже намека на умственную или духовную пищу: это одно обремененіе памяти все новыми и

новыми каракульками. Съ упраздненіемъ же кириллицы, на урокахъ славянскаго языка будутъ изучать дѣйствительно *языкъ*, а не однѣ *буквы*. Тогда въ школѣ дѣти научатся понимать церковно-славянскую рѣчь. Учитель объяснитъ главнѣйшіе пункты сходства и различія двухъ родственныхъ языковъ. Хорошій учитель укажетъ красоту величаваго языка церкви; онъ постарается развить въ ученикахъ любовь къ чтенію библіи на этомъ языкѣ. Тоску наводящіе теперешніе уроки славянскаго языка получатъ оживленіе и занимательность. Древняя пословица гласитъ: „корень ученія горекъ, а плоды сладки.“ Нашему ученику приходится на урокахъ славянскаго языка жевать самую горькую часть этого корня – въ видѣ буквъ и титлъ, и никогда не попробовать плода— свободнаго чтенія славянскаго текста. Поэтому напечатанная кириллицей церковно-славянская книга и впослѣдствіи не можетъ не вызывать у него ощущенія горькаго вкуса.

Упраздните кириллицу—и въ школьной библіотекѣ церковнославянская книга (напечатанная, разумѣется, гражданкой) перестанетъ быть лишней, какъ теперь.

Упраздните кириллицу—и въ народѣ явится интересъ къ церковно-славянской книгѣ. Тогда и архіереи свободно могутъ дарить ученикамъ книги на церковно-славянскомъ языкѣ; теперь-же они при посѣщеніи школъ дарятъ дѣтямъ только такія книги, въ которыхъ нѣтъ ни одного *аза* изъ кириллицы.

Напечатайте всѣ церковно-славянскія книги гражданкой, какъ это уже сдѣлано съ молитвенникомъ, и церковно-славянская рѣчь снова оживится въ сознаніи и въ устахъ русскаго православнаго народа: въ противномъ же случаѣ она вскорѣ сдѣлается такимъ же трупомъ, какъ и кириллица.

Изгоните думмшрифты, упраздните кириллицу, и воспитанники народныхъ школъ научатся вполнѣ свободно и плавно читать какъ русскія, такъ и славянскія книги: только тогда имъ откроется путь къ просвѣщенію; только тогда они сдѣлаются причастными благъ цивилизаціи.

Если бы въ преобразованіи русской грамоты остановиться только на этомъ, то и тогда благотворные результаты реформы сказались бы очень скоро.

Но намъ предстоитъ указать еще очень и очень много облегченій русской грамоты.

ГЛАВА VIII.

Гражданка.

Форма буквъ всегда была въ зависимости отъ орудія, которымъ онѣ изображались. Самое древнее орудіе было долото, которымъ рубили буквенные знаки на деревѣ или на камнѣ. Въ это время буквы состояли исключительно изъ сочетанія прямыхъ линій. Остатокъ глубокой старины представляютъ намъ А, И, М, Н, П, Ш. Съ измѣненіемъ орудія письма на остроконечное, буквы по немногу начали закругляться. Книгопечатаніе застигло письменность въ тотъ моментъ, когда буквы состояли наполовину изъ прямыхъ линій, наполовину изъ закругленій. Принятыя печатью, онѣ остались до настоящаго времени въ томъ же видѣ.

Между тѣмъ скоропись, съ помощью пера, продолжала измѣнять буквенныя начертанія, пока не придала имъ форму, наиболѣе удобную для письма, измѣнивъ для этого въ большей или меньшей степени всѣ буквенныя начертанія. Такимъ образомъ явилось двѣ азбуки: печатная и скорописная.

Въ настоящее время каждый европейскій народъ изучаетъ двѣ различныя грамоты для родного языка: та же игра на двухъ рояляхъ съ различнымъ расположеніемъ струнъ.... Это продолжается уже цѣлыя столѣтія! Просвѣщенные люди хлопочутъ о распространеніи грамоты; но никому не приходитъ въ голову облегчить грамоту черезъ упраздненіе одной изъ двухъ азбукъ!

Вѣдь и ума большого не нужно, чтобы додуматься до этого, а вотъ же никто не додумался! Это тѣмъ болѣе удивительно, что скоропись, подъ именемъ *курсива*, давно уже вторглась въ печать. Если сравнить *каждую букву обыкновенной печати съ соотвѣтствующей ей буквой курсива, то есть скорописи*, то мы увидимъ:
1). Что скоропись вполнѣ пригодна для печати.
2). Что каждое начертаніе скорописи въ сущности выразительнѣе, отчетливѣе соотвѣтствующаго ей начертанія, присвоеннаго для печати. Хотя въ настоящее время и свободнѣе, легче читается нами печатная книга, нежели рукопись наилучшаго калиграфа; но это происходитъ единственно вслѣдствіе бо̀льшаго навыка читать печатное, нежели писанное. Слѣдуетъ принять во вниманіе и то обстоятельство, что наша скоропись не имѣетъ вполнѣ ус-

тановившагося начертанія буквъ; каждый калиграфъ вноситъ свою индивидуальность въ начертанія. Между тѣмъ буквы печати (я не говорю о думмшрифтахъ) окончательно установились.

Такъ отъ чего же до сихъ поръ не упразднятъ печатной азбуки, какъ совершенно безполезнаго, хотя и весьма тяжелаго бремени? Вѣдь это одно только непостижимое недоразумѣніе,—а можетъ быть и черствый эгоизмъ научившихся грамотѣ.

Введите скоропись въ печать вмѣсто принятыхъ для печати самостоятельныхъ начертаній, и русскія дѣти перестанутъ путаться въ хаосѣ буквъ: и рукопись, и русская книга, и славянская книга все будетъ представлять одну и ту же русскую азбуку. Подумайте только, на сколько черезъ это облегчилась бы русская грамота и на сколько усилилась бы грамотность въ Россіи.

Однакожъ мой запасъ способовъ облегченія грамоты далеко еще не исчерпанъ: изъ русской азбуки можно устранить еще очень много совершенно ненужныхъ, совершенно безполезныхъ и даже безсмысленныхъ трудностей.

Прошу только безпристрастія и вниманія.

ГЛАВА IX.

Скоропись.

Каждая европейская азбука относительно буквенныхъ начертаній состоитъ изъ двухъ азбукъ: строчной и прописной. Слѣдовательно нашу теперешнюю грамоту составляютъ шесть азбукъ: 1) строчная кириллица, 2) прописная кириллица, 3) строчная печатная гражданка, 4) прописная печатная гражданка, 5) строчная скоропись и 6) прописная скоропись. Съ упраздненіемъ кириллицы и печатнаго шрифта, у насъ осталось бы еще двѣ азбуки: *А, Б, В, Г, Д, Е* и пр. *а, б, в, г, д, е* и пр.

У Св. Кирилла было только по одному начертанію для каждой буквы. Если бы и въ его грамотѣ, какъ теперь въ нашей, было тоже шесть азбукъ; то едва ли православіе вмѣстѣ съ письменностью такъ быстро распространилось между славянами.

Отчего же и намъ, по примѣру нашего первоучителя, не ограничиться одною азбукой?

Особыя, самостоятельныя начертанія для прописныхъ буквъ могутъ быть упразднены безъ малѣйшаго ущерба для грамоты: прописную букву, если это нужно, можно отличать ея величиной, какъ уже принято относительно нѣкоторыхъ буквъ,—къ чему же еще и отличіе въ начертаніяхъ? Изображеніе одного и того же звука двумя различными способами безсмысленно въ основаніи, и потому производитъ какую-то смуту въ умѣ учащагося.

Упраздните особыя начертанія для прописныхъ буквъ, и изученіе грамоты сдѣлается гораздо легче. Къ этому обязательно прибавить еще одно облегченіе. Извѣстно, что нѣкоторыя строчныя буквы имѣютъ по нѣсколько начертаній. Полагаю, что если бы выбрать изъ нихъ только по одному для каждой буквы и ввести ихъ въ печать, а также и во всѣ прописи,—то и на письмѣ употреблялись бы только эти начертанія. Тогда въ нашей азбукѣ осталось бы 36 буквъ и 36 начертаній....

Подумайте, читатель, на сколько черезъ это облегчилось бы изученіе русской грамоты?!

Но мы и *на этомъ еще* не остановимся.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ начертаніемъ буквъ, не касаясь ихъ значенія, то есть собственно того, что принято называть азбукой. Теперь мы переходимъ къ самой азбукѣ: нельзя ли и здѣсь сдѣлать какихъ-либо облегченій? При этомъ путеводной звѣздой будетъ намъ служить все-таки геніальная азбука Св. Кирилла.

ГЛАВА X.

Буква щ.

Азбука Св. Кирилла состояла только изъ 38 буквъ. Къ нимъ впослѣдствіи прибавилось еще шесть совершенно безполезныхъ; нѣкоторыя изъ нихъ исключены Петромъ Великимъ, въ томъ числѣ *кси* и *пси*, которыми выражаются цѣлые слоги: *кс*, *пс*.

Такое же значеніе имѣетъ и *щ—шч;* не исключена же она Петромъ Великимъ единственно по недосмотру.

Буквы *щ* нѣтъ въ древнѣйшихъ рукописяхъ; выдумана она впослѣдствіи. Упраздните ее, и наша грамота облегчится въ двухъ отношеніяхъ: въ азбукѣ сдѣлается и одной буквой меньше, и одной нелогичностью меньше. Слова *щитъ, щука* и пр. мы писали бы *шчитъ, шчука* и пр.

ГЛАВА XI.

Буквы ѳ, ѵ.

Сочинители школьныхъ грамматикъ не догадываются, что *ѳ, ѵ* не было у Св. Кирилла, и что онѣ составляютъ исключительную принадлежность греческаго языка, гдѣ выражаютъ характерные звуки, чуждые славянскому языку. Св. Кириллъ не видѣлъ въ нихъ никакой надобности; попали же они къ намъ впослѣдствіи.

Древнѣйшіе болгарскіе переписчики славянскихъ книгъ обучались грамотѣ въ греческихъ школахъ, гдѣ усваивали греческую грамоту; при перепискѣ славянскихъ книгъ они писали греческія слова, заимствованныя славянами, съ соблюденіемъ греческаго правописанія. Такимъ образомъ *ѳ, ѵ* перешли къ намъ въ этихъ словахъ.

Это то же, какъ если бы мы ввели разнобразныя начертанія для звука *э* въ словахъ, заимствованныхъ нами у французовъ, согласно съ французскимъ правописаніемъ ихъ; напр. въ словахъ *портмоне, аллея, багетъ* и пр. намъ слѣдовало бы букву е разнообразить на письмѣ, подобно французамъ: portmonnaie, allèe, baguette. Разъ языкъ нашъ не различаетъ французскихъ звуковъ *ai, eu,* é, è, то намъ не нужны и различныя начертанія ихъ; разъ языкъ нашъ не имѣетъ греческихъ звуковъ *ѳ, ѵ,* то за чѣмъ же намъ эти буквы? Исключите изъ русской азбуки *ѳ, ѵ,* и грамота наша облегчится: ничто такъ не сбиваетъ учащагося, какъ употребленіе нѣсколькихъ буквъ для одного и того же звука. Пора избавить русскаго человѣка, вовсе не знающаго греческаго

языка, отъ смѣшной обязанности зубрить греческое правописаніе этихъ буквъ въ заимствованныхъ нами словахъ.

ГЛАВА XII.

Буква і.

Нельзя выдумать такой колосальной глупости, съ которой бы мы не могли освоиться, если только она всегда будетъ торчать передъ глазами. Когда же освоимся и свыкнемся съ нею, то она сначала будетъ казаться неизбѣжною, а потомъ нужною и даже необходимою. Въ концѣ концовъ колосальная глупость покажется разумною и даже попадетъ въ такъ называемую науку (на этотъ разъ въ школьную грамматику) для изученія ея нашими дѣтьми, внуками, правнуками и отдаленнѣйшими потомками.

Исторія нашей буквы *і* можетъ служить доказательствомъ сказаннаго.

У Св. Кирилла эта буква писалась безъ точки сверху (точка заимствована впослѣдствіи изъ латинской азбуки) и произносилась какъ наше *й*. Она употреблялась для *йотаціи* гласныхъ, то есть для образованія слоговъ: *йа=я, йэ=е=ѣ, йу=ю.*

Въ азбукѣ св. Кирилла вовсе не было буквъ *я, ѣ, е, ю* въ томъ значеніи, въ какомъ мы употребляемъ ихъ въ словахъ: *яма, ѣлъ, ель, юла.* Примѣняя правописаніе св. Кирилла къ нашимъ теперешнимъ буквамъ, мы писали бы эти слова такъ: *йама, йэлъ, йэль, йула.* Но такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ *і* (безъ точки) въ древнѣйшихъ рукописяхъ соединилось горизонтальной черточкой съ слѣдующей гласной, то переписчики, по простотѣ разума, приняли двѣ буквы за одну, и ввели въ употребленіе буквы, которыя въ школьныхъ грамматикахъ обозначены именемъ мягкихъ гласныхъ. Такимъ образомъ буква *і*, какъ знакъ йотаціи, потеряла съ тѣхъ поръ всякій смыслъ: слѣдовало упразднить её тотчасъ же. Но переписчики, писцы и писаря, единственные законодатели правилъ грамоты, охотнѣе введутъ сотню ненужныхъ буквенныхъ начертаній, нежели исключать одну безполезную букву. Усмотрѣвъ, что въ древнихъ книгахъ она

стоитъ передъ гласной, они, не понявъ ея здѣсь значенія, создали для нея правило: „буква *і* пишется только передъ гласной и передъ *й*." И такое курьезное правило попало въ школьную грамматику, какъ нѣчто разумное и научное! Образованные учителя совершенно искренно приходятъ въ ужасъ, если ученикъ напишетъ *синий, синие*, и готовы падать въ обморокъ, если онъ напишетъ *сіній, сініе*.

Что сказали бы тѣ же учителя, если бы я предложилъ сочинить для звука *а* еще одну букву для употребленія передъ гласными и передъ *й*, а также по одному двойнику и для остальныхъ гласныхъ: *я, е, ѣ, ы, о, у*? Осмѣяли бы меня! Почему же такое преимущество для одного гласнаго звука *і*=*и*, а не для всѣхъ? Объ этомъ никто не думаетъ, потому что *і* намозолило всѣмъ глаза и даже попало въ „науку."

Уничтожьте безполезную букву *і*: освободите русскую грамматику отъ безсмысленнаго правила, которое даже совѣстно задавать ребятишкамъ!...

ГЛАВА XIII.

Буква Ѣ.

Двѣ буквы, *ѣ, е*, служатъ для выраженія однихъ и тѣхъ же звуковъ, что видно изъ словъ: *ѣлъ, ель; сѣдла, села; мѣдный, мелкій; на ножѣ, уже* и пр. Слѣдовательно *ѣ* отличается отъ *е* только употребленіемъ; но правила этого употребленія составляютъ цѣлую науку! Буква *ѣ* заполонила школьную грамматику,— и все-таки ежегодно являются монографіи, посвященныя одной лишь этой буквѣ. Наши дѣти трепещутъ при одномъ ея имени, какъ нѣкогда трепетали и мы, и наши отцы, и наши дѣды! Сколько дѣтей и сколько молодыхъ людей должны были оставить школу, потому что не въ силахъ были одолѣть этой проклятой буквы! Она служитъ самымъ большимъ оврагомъ на пути къ просвѣщенію; кто не сломалъ себѣ шеи, перебираясь черезъ этотъ оврагъ, тотъ смѣло можетъ идти на бой со всякими науками въ мірѣ.

Буква *ѣ*, совершенно чуждая духу русскаго языка, попала къ намъ случайно; между тѣмъ сочинители грамматикъ силятся вывести ея употребленіе изъ свойствъ русскаго языка.

Главнѣйшія грамматическія правила употребленія *ѣ* сводятся ими къ слѣдующему:

1. Во всѣхъ тѣхъ корняхъ, въ которыхъ не имѣется *е*, слѣдуетъ писать *ѣ*; а чтобы не было сбивчивости, предлагается таблица корней съ *ѣ*, которую обязательно вызубрить и никогда не забывать.

2. Въ глаголахъ, имѣющихъ въ прошедшемъ времени слогъ *ѣлъ: пѣть, пѣлъ,* и въ производныхъ отъ нихъ: *напѣвъ, пѣсня.*

3. Въ сравнительныхъ степеняхъ: *сильнѣйшій, сильнѣе.*

4. Въ окончаніяхъ предложнаго и дательнаго падежей: *женѣ, о женѣ, о столѣ.*

Эти правила слишкомъ въѣлись намъ въ плоть и кровь, и потому мы не замѣчаемъ всей ихъ тщеты, всей ихъ безполезности. Чтобы взглянуть объективно на роль буквы *ѣ* въ нашей грамотѣ, слѣдуетъ только въ ту же самую роль поставить другую какую-нибудь новую букву, ненамозолившую намъ глазъ; итакъ:

Предлагается ввести букву 2, которая по выговору тожественна съ *а*; точно также какъ *ѣ* тожественна съ *е*. Главнѣйшія правила употребленія буквы 2 сводятся къ слѣдующему:

1. Во всѣхъ тѣхъ корняхъ, въ которыхъ не имѣется *а*, слѣдуетъ писать 2; а чтобы не было сбивчивости, предлагается таблица корней съ 2, которую обязательно вызубрить и никогда не забывать.

2. Въ глаголахъ, имѣющихъ въ прошедшемъ времени звукъ *алъ:* напад2ть, напад2лъ, наст2ть, наст2лъ.

3. Въ сравнительныхъ степеняхъ: *ниж2йшій, легч2йшій.*

4. Въ звательномъ падежѣ для отличія отъ именительнаго: *наша б2ба закрич2ла: „Эй ты б2б2! б2б2! ступ2й сюда!“*

По этому же способу можно сочинить по одному двойнику для всѣхъ остальныхъ буквъ; и въ каждомъ изъ этихъ двойниковъ будетъ столько же смысла, какъ и въ *ѣ!*

Откуда же обрушилась на русскую землю эта египетская язва русскаго просвѣщенія? Разскажу исторію этой буквы съ нѣкоторыми подробностями:

Ни одного звука не дошло до насъ отъ древнихъ языковъ; намъ остались только нѣмыя, безгласныя рукописи. Мы видимъ

на пергаментѣ черныя каракульки — и больше ничего: мы не знаемъ, какъ читались эти каракульки; намъ не извѣстно, какіе живые звуки похоронены подъ беззвучными, мертвыми буквами.

Фонографъ передастъ звуки нашей рѣчи отдаленнѣйшимъ потомкамъ; но старина не имѣла фонографовъ, и потому къ намъ не дошелъ живой ея голосъ. Мы можемъ только догадываться, съ большей или меньшей вѣроятностью, какъ произносилась въ старину та или иная буква.

Буква *ѣ* была и у Св. Кирилла; но произношеніе ея навсегда осталось для насъ тайной. Дознано, что звукъ ея былъ гласный, и при томъ очень своеобразный, присущій исключительно древнимъ славянскимъ языкамъ,—что онъ произносился протяжно, какъ бы на распѣвъ; но какова была его природа, никому теперь не извѣстно. На пространствѣ нынѣйшей Россіи *ѣ* соотвѣтствуетъ тремъ различнымъ звукамъ у трехъ славянскихъ племенъ: порусски *ѣ*=*е*—лѣто, помалорусски *ѣ*=*и*—*лито*, попольски *ѣ*=*я*—*лято*.

Буквой *ѣ* выражался у Св. Кирилла не тотъ звукъ, что буквой *е*: каждая изъ нихъ имѣла свое самостоятельное произношеніе.

Съ принятіемъ христіанства перешла къ намъ и болгарская письменность, прежде всего въ Кіевъ.

Кіевляне вскорѣ начали читать болгарскія рукописи согласно мѣстному выговору; такъ букву *ѣ* они произносили за *и*, а букву *е* за *э*. Слова *звѣзды, тѣло, день, небо* читали: *звизды, тило, дэнь, нэбо*; черезъ это нѣкоторыя болгарскія слова превращались въ южно-русскія; во всѣхъ такихъ случаяхъ обѣ буквы *ѣ*, *е* удержались на своихъ мѣстахъ. Если же болгарское правописаніе ихъ не вполнѣ соотвѣтствовало южнорусскому произношенію, то во всѣхъ такихъ случаяхъ оно постепенно измѣнялось неучеными писцами и переписчиками примѣнительно къ мѣстному произношенію. Такъ, напримѣръ, въ древнѣйшихъ рукописяхъ написано: „ни помѣтайте бисеръ вашихъ прѣдъ свинийами;“ въ подновленномъ же кіевлянами текстѣ обѣ буквы *ѣ* исчезли: „ни пометайте бисеръ вашихъ предъ свиніями.“

Съ теченіемъ времени болгарское правописаніе, сильно измѣненное кіевлянами подъ вліяніемъ мѣстнаго произношенія, перешло въ Москву, и послужило основаніемъ для современнаго русскаго правописанія.

Помощниками Петра Великаго по литературной части были малороссы, въ то время не успѣвшіе еще усвоить великорусской

рѣчи. Они-то, при преобразованіи азбуки, отстояли *ѣ*, любезное ихъ хохлацкому сердцу: съ этой буквой имъ понятнѣе былъ великорусскій языкъ; слова: *звѣзды*, *лѣто*, *вѣтеръ* они читали: *звизды*, *лито*, *витэръ*,—и выходило совсѣмъ помалорусски; но если бы, упразднивъ *ѣ*, написать: *звезды*, *лето*, *ветеръ*, то они прочитали бы: *звэзды*, *лэто*, *вэтэръ*,—и вышло бы совсѣмъ потарабарски.

Профессоръ Буслаевъ, сочинитель ученѣйшей русской грамматики, говоритъ: „наше правописаніе весьма погрѣшительно въ разсужденіе буквы *ѣ*. По принятому (*кѣмъ?*) основанію надлежало бы ставить эту букву вездѣ, гдѣ она употреблялась въ церковнославянскомъ языкѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы слѣдуемъ древнѣйшему правописанію, въ нѣкоторыхъ же, безъ всякой причины(?), отступаемъ отъ него.“

Почтенный профессоръ правъ, что въ употребленіи буквы *ѣ* мы отступаемъ отъ древнѣйшаго правописанія, то есть отъ болгарскаго временъ св. Кирилла; но онъ не правъ, говоря, что отступаемъ „безъ всякой причины:“ причина эта—малорусскій выговоръ. Прошу обратить вниманіе еще на слѣдующія три слова г. Буслаева: „по принятому основанію.“ Въ этой фразѣ нѣтъ предмета дѣйствующаго; не сказано: *кѣмъ* принято основаніе писать такъ или иначе? Эта фраза вылилась въ такомъ видѣ изъ чернилицы г. Буслаева вовсе не случайно; потому что никто никогда никакихъ „основаній“ для правописанія *ѣ* не принималъ. Установилось оно кіевскими переписчиками, писцами и писарями безъ всякихъ основаній! Они переписывали болгарскія рукописи, не зная болгарскаго языка; отступленія отъ рукописи являлись въ видѣ безсознательныхъ ошибокъ. Родная рѣчь вліяла на ошибки и придавала имъ однообрзный характеръ у всѣхъ переписчиковъ, приближая болгарскую рѣчь къ малорусской. Такъ продолжалось до введенія книгопечатанія. Правописаніе какъ бы окаменѣло въ тотъ самый моментъ, когда первый разъ стукнулъ типографскій станокъ. Основанія правописанія, о которыхъ говоритъ г. Буслаевъ, придуманы впослѣдствіи сочинителями школьныхъ грамматикъ, то есть aposteriori: неученымъ грамотникамъ древности приписаны ими собственныя измышленія!...

Буква *ѣ* въ древнихъ болгарскихъ рукописяхъ встрѣчается гораздо чаще, нежели у насъ теперь. Въ нашемъ современномъ правописаніи (за исключеніемъ развѣ нѣсколькихъ словъ) она уцѣ-

лѣла только тамъ, гдѣ ей соотвѣтствуетъ въ малорусскомъ языкѣ звукъ *и=і*; во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ замѣнена другими буквами, согласно малорусскому произношенію слова. Чтобы показать это наглядно читателямъ, не умѣющимъ говорить помалорусски, слѣдуетъ разобрать правила употребленія *ѣ* по отношенію къ малорусскому выговору.

Во всѣхъ школьныхъ грамматикахъ перечислены корни съ буквой *ѣ*. Великороссу нужно вызубрить эти корни; но хохлу они извѣстны изъ произношенія—*бида, вира, дило* и т. д. вмѣсто великорусскихъ *бѣда, вѣра, дѣло* и т. д. Обращу вниманіе на одинъ корень. Многіе пишутъ *лекарь. лечить, лекарство*, производя его отъ *легкій, облегчать*; по грамматикѣ слѣдуетъ писать *лѣкарь лѣчить, лѣкарство*, что вполнѣ соотвѣтствуетъ малорусскому произношенію: *ликарь, лики, личить*.

Великороссу непостижимо, почему въ исключенія попали именно эти слова: *гнѣзда, сѣдла, цвѣлъ* и пр.; хохлу же понятно, потому что онъ произноситъ: *гнизда, сидла, цвивъ*. Не пойметъ великороссъ и такой замѣны въ корняхъ: *одѣвать, одежда;* а хохолъ пойметъ, потому что онъ произноситъ: *одивать, одэжа*. По мнѣнію великоросса не слѣдовало бы писать *ѣ* въ словахъ: *вѣсить, нѣтъ, дѣти, лѣзть, ѣда, стрѣха, копѣйка, Сергѣй, Алексѣй* и пр.; потому что здѣсь буква *ѣ* не удерживается въ производныхъ словахъ: *висѣть, не есть, дитя, лазить, яство, застрялъ, копить. Сережа, Алеша* и пр. Употребленіе *ѣ* въ приведенныхъ словахъ уцѣлѣло единственно вслѣдствіе малорусскаго произношенія: *вишать, нитъ, диты, лизты, йида, стриха, копiйка, Сэргiй, Олэксiй* и пр. Во многихъ коренныхъ словахъ, въ которыхъ въ древности писали *ѣ*, теперь принято писать букву *е* опять таки въ угоду малорусскому произношенію. Сюда относятся: *клеить, великій, колебать, семья, время, требовать, хмель, зелѣнь, земля* и пр.; эти слова помалорусски произносятся: *клэйить, вэлыкiй, колызать, сэмья, врэмья, трэбовать, хмэль, зэлэнь, зэмля*.

Въ окончаніи сравнительной степени сохранилась буква *ѣ* только потому, что помалорусски здѣсь слышится звукъ *и: бѣлѣйшій—билийшый, тѣснѣйшій—тиснiйшый.*

Въ прошедшемъ времени тоже самое: *жалѣлъ—жаливъ, бѣлѣлъ—биливъ.*

Въ дательномъ падежѣ единственнаго числа сохранилась буква

ѣ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ помалорусски слышится *и*: *тебѣ—тоби*, *себѣ—соби*, *женѣ—жони*, *березѣ—бэрэзи*.

Въ предложномъ падежѣ тоже: на *деревѣ*—на *дэрэви*, па *желѣзѣ*—на *зализи*, *упалъ въ море и остался въ морѣ—упавъ въ морэ и зостався въ мори*.

Пусть сочинители школьныхъ грамматикъ скажутъ, какая польза *русской* грамотѣ отъ буквы *ѣ*? Что касается моего мнѣнія, то я вижу въ ней только слѣдствіе братской любезности москалей по отношенію къ хохламъ...Но увы, грамотные хохлы и ихъ дѣти теперь знаютъ литературный русскій языкъ лучше родного нарѣчія, поэтому братская любезность становится и для нихъ въ тягость!...

Я убѣжденъ, что день уничтоженія *ѣ* былъ бы днемъ величайшаго ликованія всей учащей и учащейся Россіи на всемъ ея безпредѣльномъ пространствѣ. Годовщину этого дня праздновали бы всѣ учащіе и учащіеся потомки наши въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ, пока существовала бы русская грамота.

Я убѣжденъ, что если бы кто-либо изложилъ Петру Великому то, что сказано въ этой главѣ, то онъ ни за что не оставилъ бы *ѣ* въ русской грамотѣ. А если бы это случилось, то никто въ настоящее время не вздумалъ бы ратовать о возстановленіи *ѣ*, какъ никто не ратуетъ и о возстановленіи тѣхъ восьми буквъ, которыя уничтожены Петромъ Великимъ.

Уничтожьте же букву *ѣ*, и русская грамота значительно облегчится, а ученики будутъ освобождены отъ зубренія ни къ чему негодныхъ грамматическихъ правилъ, не имѣющихъ въ себѣ ничего научнаго, ничего развивающаго.

ГЛАВА XIV.

Буква ъ.

Удивительная это буква! Самое названіе ея наводитъ на размышленіе: что такое вообще „твердый знакъ“ помимо названія буквы?

Есть еще и *мягкій* знакъ—но только въ русской грамматикѣ.

Въ природѣ же нѣтъ ни *твердыхъ*, ни *мягкихъ* знаковъ, точно также какъ нѣтъ ни *жидкихъ*, ни *газообразныхъ*. Знаки отличаются по величинѣ, по формѣ, по цвѣту и пр., но не по твердости и мягкости ихъ. *Твердый знакъ* безсмысленнѣе, чѣмъ *голенища въ смятку*.

Буквою называется письменное изображеніе элементарнаго звука человѣческой рѣчи. Какой же звукъ выражаетъ *ъ*? Рѣшительно никакого! Слѣдовательно буква *ъ* вовсе не буква, а такъ себѣ что-то такое... словомъ: *ъ* есть *твердый знакъ*, или *голенища въ смятку*. Что же говорится о *ъ* въ грамматикѣ?

Прежде я долженъ сдѣлать оговорку. Всѣмъ извѣстно, что школьная физика, ариѳметика, географія и пр. есть таже наука физики, ариѳметики, географіи и пр., только изложенная кратко и популярно. Законы движенія маятника однп и тѣ же въ учебникахъ, что и въ ученѣйшей физикѣ; дѣлимость чиселъ, перемѣна дня и ночи и проч.—все это объясняется въ школьныхъ учебникахъ совершенно такъ же, какъ и въ самыхъ ученыхъ сочиненіяхъ.

Не то представляетъ злосчастная школьная русская грамматика: сочинители ея не только никогда не справляются съ наукою, но подъ часъ даже и съ здравымъ смысломъ.

Школьная грамматика увѣряетъ, что *ъ* вмѣстѣ съ *ь* и *й* составляютъ особый отдѣлъ буквъ—*полугласныхъ*. Звукъ *й* дѣйствительно слышенъ, но только въ сочетаніи съ гласной: *ай*, *йа*, *ой*, *йо* и пр., и его можно назвать полугласнымъ, а еще лучше—согласнымъ; но я попросилъ бы сочинителей школьныхъ грамматикъ, чтобы они произнесли *полугласную ъ*, самостоятельно ли, или въ связи съ любой буквой, хотя и не въ полъ голоса, а въ сотую, въ тысячную часть голоса... но никто не произнесетъ, потому что *полугласная* буква *ъ* совершенно *безгласна*: опять голенища въ смятку!

Наука давнымъ давно признала, что *ъ* не имѣетъ никакого голоса, никакого звука; да и безъ науки это очевидно каждому, кромѣ сочинителей школьныхъ грамматикъ.

Эти сочинители увѣряютъ также, что *ъ* нуженъ для показанія *твердаго* произношенія согласной буквы, какъ *ь*—*мягкаго*. А если послѣ согласной нѣтъ ни *ъ* ни *ь*, какъ тогда прочитать ее? какъ въ словѣ *вздоръ* произносить *в*, *з*, *д*? Если *ъ* служитъ показаніемъ твердости, то слѣдовало бы писать *възъдъоръ*; но если вы не хотите писать *ъ* послѣ твердыхъ *в*, *з*, *д*, то къ чему онъ послѣ *р*? опять голенища въ смятку!

Да что же такое въ дѣйствительности представляетъ изъ себя *ъ*?—Это одно лишь преданіе старины глубокой; при томъ преданіе, до такой степени обезображенное книжниками, что потеряло всякій смыслъ.

А въ старину *ъ* былъ дѣйствительно буквой, не хуже остальныхъ; и при томъ выражалъ онъ настоящій гласный звукъ, какъ *а, о, у*; произношеніе его было слышно и въ разговорной рѣчи, и въ церковномъ пѣніи. Св. Кириллъ изобрѣлъ *ъ* (еръ) для выраженія особеннаго звука, существовавшаго нѣкогда въ языкахъ славянскихъ. Звукъ этотъ ученые называютъ *глухимъ*; онъ былъ похожъ на наше *о*, когда оно произносится безъ ударенія, напримѣръ въ словѣ *говорю*. Многихъ древнихъ словъ теперь даже и прочесть нельзя: *сънъ, влъкъ* и проч.; а прежде они и читались, и пѣлись. На свѣтѣ все перемѣнчиво: перемѣнилась судьба *Ера* и сталъ онъ *Твердымъ Знакомъ*.

Случилось такъ, что славянская азбука была изобрѣтена какъ разъ наканунѣ тѣхъ столѣтій, когда глухіе гласные звуки перестали употребляться славянами: въ нѣкоторыхъ случаяхъ они замѣнились звуками *о*, а въ нѣкоторыхъ совсѣмъ исчезли. *Сънъ* стали произносить *сон*, *влъкъ* превратилось въ *волк* и проч.

Согласно законамъ языка, *звукъ ъ* измѣнялся въ *о* въ срединѣ словъ, а выпадалъ на концѣ. Переписчики постоянно дѣлали ошибки относительно *ъ* въ серединѣ слова: подъ вліяніемъ родного языка они здѣсь все чаще *ъ* замѣняли буквою *о*. Въ концѣ же слова легче запоминался *ъ*, поэтому и вошло въ обычай писать его здѣсь. Школа и школьная грамматика возвела этотъ обычай въ правило. Такимъ образомъ *ъ* и до настоящаго времени торчитъ въ концѣ словъ безъ всякой цѣли, безъ всякой надобности, безъ всякаго смысла.

Въ „Русской Старинѣ“ когда-то я читалъ такой анегдотъ. Однажды Екатерина Великая, гуляя въ саду, съ восхищеніемъ остановилась передъ великолѣпнымъ кустомъ розъ и приказала кому-то изъ придворныхъ: „не позволяйте срывать.“ Немедленно было сдѣлано надлежащее распоряженіе, и въ тотъ же день поставленъ былъ при царской розѣ часовой, который съ тѣхъ поръ постоянно смѣнялся. Розы пышно разцвѣли, потомъ осыпались, а часового продолжали ставить для „охраны царской розы“. Морозъ сковалъ землю, все покрылось снѣгомъ, а часовой стоялъ неизмѣнно. Зимой кустъ розы погибъ, потомъ посадили на его

мѣсто другія растенія, а часовой все-таки „охранялъ царскую розу.“ Много лѣтъ спустя, никто уже не могъ ничего объяснить о царской розѣ. Нашелся потомъ старичекъ, который вспомнилъ происшествіе, и назначеніе часоваго было отмѣнено. Судьба этого часоваго напоминаетъ мнѣ судьбу нашего *Твердаго Знака*: не осталось и слѣда розы, а часовой все стоялъ да стоялъ для ея охраны; не осталось и слѣда *звука ъ*, а *буква ъ* все торчитъ да торчитъ на концѣ словъ, и лишь недавно открыто, по какому поводу она торчитъ... Но она все-таки не отмѣнена, хотя безполезность ея и сознается всѣми.

Впрочемъ исторія Твердаго Знака не представляетъ ничего исключительнаго: подобныхъ исторій можно много указать въ нашей жизни и помимо азбуки. „Какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ,“ то въ жизни окажется немало *твердыхъ знаковъ*.

Такимъ образомъ нашъ галстухъ—развѣ это не тотъ же *твердый знакъ?* Галстухъ въ переводѣ съ нѣмецкаго языка значитъ *шейный платокъ*; таковымъ онъ и былъ когда-то, предохраняя шею отъ холода. Теперь же это просто ленточка, бантикъ, даже снурочекъ,—но ни въ какомъ случаѣ не платокъ; отъ галстуха въ настоящее время ни холодно, ни тепло. Тѣмъ не менѣе онъ служитъ необходимой принадлежностью приличнаго костюма-какъ и ъ принадлежностью правильной грамоты. Однакожъ галстухъ, не принося никому никакого вреда, придаетъ костюму нѣкоторую красоту; буква ъ, принося вредъ относительно затрудненія грамоты, не придаетъ ни малѣйшей красоты слову, на концѣ котораго торчитъ.

А шпага маленькаго чиновника—развѣ это не тотъ же твердый знакъ? Нѣкогда она была принадлежностью благороднаго рыцаря, въ рукахъ котораго служила страшнымъ оружіемъ; доблесть рыцаря опредѣлялась количествомъ человѣческой крови, которая была пролита его шпагой. Теперь же шпага служитъ извѣстнымъ символомъ, эмблемой, но только не оружіемъ: она никогда не обагряется кровью.

Когда-то я читалъ (не помню гдѣ) вычисленіе, сколько ежегодно тратится писаной и печатной бумаги ради безполезной буквы ъ. Интересно бы сдѣлать другое, болѣе важное вычисленіе. Буква ъ безспорно дѣлаетъ изученіе грамоты труднѣе; слѣдовательно каждый, обучившійся грамотѣ, безполезно тратилъ изъ-за нея лиш-

нее время. Этотъ излишекъ умственной работы тратится Россiей около тысячи лѣтъ; помножьте этотъ излишекъ на число грамотныхъ за 1000 лѣтъ, и вы получите громадную цифру!

Читатель скажетъ, что *ъ* нуженъ въ серединѣ слова: *въѣздъ, объявленiе* и т. д.: ну и пишите его въ этихъ случаяхъ; за чѣмъ же онъ на концѣ словъ? Уже были попытки писать подобнымъ образомъ; хотя и это не вполнѣ логично: но изъ двухъ нелогичностей лучше выбирать меньшую... Впрочемъ далѣе будетъ указанъ способъ вовсе избавиться отъ *ъ*.

ГЛАВА XV.

Значенiе гласныхъ Я, Е, Ю въ началѣ слога.

У людей зрѣнiе развито гораздо лучше слуха, оттого впечатлѣнiя нашего зрѣнiя гораздо сильнѣе, яснѣе, отчетливѣе, нежели впечатлѣнiя слуха. Въ словѣ *синяя* двѣ буквы *я* произносятся, какъ читатель убѣдится далѣе, совершенно различно; но такъ какъ мы привыкли *видѣть* въ обоихъ случаяхъ одну и ту же букву, поэтому у насъ и утвердилась своего рода галлюцинацiя слуха: намъ кажется, будто въ словѣ *синяя* оба *я* читаются тожественно. Такою же галлюцинацiей слуха мы страдаемъ и относительно еще двухъ буквъ: *е=ѣ, ю*. Намъ представляется, будто въ словѣ *синее* оба *е* читаются одинаково, а въ словѣ *синюю*—оба *ю*; на самомъ же дѣлѣ произношенiе ихъ совершенно различно.

Мнѣ будетъ нелегко объяснить это различiе такъ, чтобы русскiй читатель вполнѣ согласился со мною; потому что мнѣ предстоитъ въ этомъ случаѣ бороться съ указанной галлюцинацiей слуха.

Въ этой главѣ я буду говорить о значенiи названныхъ буквъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда ими начинается слогъ, напримѣръ въ словахъ: *яма, воюя, даваемый, объявить, я, ею* и пр.; въ слѣдующей главѣ мы поговоримъ о значенiи ихъ въ связи съ предшествующей согласной при образованiи слога.

Нѣмецъ, желая изобразить на бумагѣ звуки *я, е, ю*, пишетъ: *ja, je, ju*. Поэтому онъ, при чтенiи этихъ начертанiй, совер-

шенно ясно, совершенно отчетливо слышитъ два звука: согласный *j*=*й* и одинъ изъ гласныхъ: *а*, *е*, *и*. И онъ правъ въ этомъ случаѣ. Пусть читатель моментально произнесетъ слогъ *йа*, подобно тому какъ произноситъ слоги *ба*, *ва*, *га*, то у него получится звукъ *я*; точно также при моментальномъ произнесенiи слоговъ *иэ*, *йу* получается *е*, *ю*,

Пусть еще читатель попробуетъ разъ десять произнести какъ можно быстрѣе и чаще слогъ *ай*, то ему будетъ слышиться повторенiе буквы *я*; подобно тому какъ отъ частаго повторенiя слога *аб* получается *ба*.

Попробуйте еще пѣть каждую изъ буквъ: *я*, *е*, *ю*, и вы услышите гласныя *а*, *э*, *у*.

Съ помощью такихъ упражненiй читатель можетъ побѣдить галлюцинацiю слуха. Кромѣ того нужно еще прослѣдить за собой, какъ во рту производятся звуки *ай*, *эй*, *уй*, а потомъ звуки *я*, *е*, *ю*, и читатель, такъ сказать, во очiю увидитъ, что въ послѣднемъ случаѣ это тѣ же *ай*, *эй*, *уй*, только въ обратномъ порядкѣ: *йа*, *йэ*, *йу*. Въ азбукѣ св. Кирилла вовсе не было нашихъ буквъ: *я*, *е*, *ю*. Въ нашей грамотѣ онѣ маскируютъ дѣйствительную природу изображаемыхъ ими звуковъ, а подобный маскарадъ, какъ читатель увидитъ далѣе, чрезвычайно затрудняетъ изученiе грамоты. Я предлагаю возвратиться къ правописанiю св. Кирилла и писать такимъ образомъ: *войуйа*=воюя, *йад*=ядъ, *йэйу*=ею, *йэлъ* =ель, *бойусъ*=боюсь, *синейэ*=синее, *синюйу*=синюю. Тогда обнаружилась бы и полнѣйшая безполезность *ъ* въ серединѣ словъ: *изйан*=изъянъ, *обйэзд*=объѣздъ, *отйэзд*=отъѣздъ, *вйэзд*=въѣздъ, *сйэл*=съѣлъ, *обйэгорил*=объегорилъ, *обйавляйу*=объявляю, *обйэмлю*=объемлю. Букву же *ь* мы оставляемъ пока при теперешней ея роли: *вьйуга*=вьюга, *пьйу*=пью, *пьйан*=пьянъ.

Извѣстно, что буква *е* имѣетъ два различныхъ произношенiя: *ель*, ё л к а; въ первомъ случаѣ ею маскируется слогъ *йэ*, а во второмъ *йо*. Галлюцинацiя слуха состоитъ здѣсь въ томъ, что намъ кажется, будто звукъ *е* въ словѣ ё л к а родственъ звуку *е* въ словѣ *перо*; на самомъ же дѣлѣ онъ родственъ не ему, а звуку *о*. Г. Гротъ предлагаетъ писать слогъ *йо* только въ трехъ словахъ: *йотъ*, *йоркъ*, *майоръ*. Но онъ не объясняетъ, почему только эти три слова пользуются монополiей на рацiональное правописанiе? Если бы примѣнить это правило ко всѣмъ словамъ,

въ такомъ случаѣ не скрывались бы подъ одной той же маской *е* совершенно различные звуки *йэ*, *йо*. Тогда мы писали бы такъ: *узнайэш*=узнàешь, *узнайош*=узнаѐшь, *йэйо*=ее, *йэль*=ель, *йолка*=елка, *йож*=ежъ, *йэсли*=если, *нойэт*=ноетъ, *пойот*=поетъ, *пьйот*=пьетъ. Неправильное употребленіе буквъ *е*, *ю*, *я* для выраженія слоговъ *йэ*, *йу*, *йа*, *йо*, маскируетъ законы языка, дѣлая на письмѣ *видимое* различіе тамъ, гдѣ мы *слышимъ* полное тожество.

На письмѣ кажется, будто образованіе родовъ въ словѣ *он—ъ*, *он—а*, *он—о* совершенно не то, что въ словѣ *мо—й*, *мо—я*, *мо—е*; между тѣмъ здѣсь полное тожество звуковъ:

он——		мой——	
он——	а	мой——	а
он——	о	мой——	о

Точно также и въ образованіи падежей: въ кажущемся различіи окончаній тво*—я* коров*—а*, тво*—ю* коров*—у* обнаруживается тожество: твой*—а* коров*—а*, твой*—у* коров*—у*.

То же и въ глаголахъ: созданное неправильнымъ правописаніемъ различіе окончаній въ словахъ: ид*у*—да*ю* превращается въ тожество ид*у*—дай*у*.

Упраздните букву *ъ*, введите вмѣсто буквъ *я*, *е*, *ю*, гдѣ слѣдуетъ, начертанія *йа*, *йэ*, *йо*, *йу*,—и русская грамота сдѣлается проще, логичнѣе, правильнѣе, а слѣдовательно и гораздо легче.

ГЛАВА XVI.

Буквы Я, Е, Ю въ связи съ предшествующей согласной.

Пусть читатель сравнитъ изображеніе двухъ слоговъ тремя различными способами:

		при чтеніи:
порусски.	*ла*, *ля*	*ла*=*ла*=*ła*,
посербски	*ла*, *ља*	*ля*=*ља*=*la*.
попольски	*ła*, *la*	

Сербское и польское правописанія противоположны нашему: у нихъ эти слоги различаются *согласной* буквой, а у насъ *гласной*.

Но такъ какъ впечатлѣнія зрѣнія гораздо сильнѣе впечатлѣній слуха; поэтому намъ, русскимъ, кажется, что эти слоги имѣютъ одинъ и тотъ же согласный звукъ *л*, а различные гласные звуки —*и*, *я*; поляку же и сербу кажется наоборотъ,—что эти слоги имѣютъ одинъ и тотъ же гласный звукъ, а различные согласные звуки. Кто же правъ на самомъ дѣлѣ? Чье правописаніе логичнѣе, то есть болѣе соотвѣтствуетъ природѣ звуковъ? Чтобы узнать истину, нужно отрѣшиться отъ видимаго изображенія приведенныхъ слоговъ; затѣмъ слѣдуетъ рѣшать этотъ вопросъ, во первыхъ, на основаніи природы звуковъ, а во вторыхъ, на основаніи способовъ ихъ произношенія органами рѣчи.

Прежде всего читатель долженъ освободиться отъ предразсудка школьной грамматики, бутдо *ь* есть *полугласная* буква: она совершенно безгласна, а потому и не буква даже, а только знакъ смягченія согласныхъ буквъ,—подобно тому какъ стоящая надъ *й* занятая не буква, а знакъ краткаго произношенія *и*. Въ словахъ *даль*, *дальній* мы не произносимъ *ь*, а только смягчаемъ стоящую передъ нимъ букву *л*. Въ словахъ *палка*, *пальчикъ* звукъ *л* различается твердостью и мягкостью произношенія; слѣдовательно двѣ буквы *ль* слѣдуетъ считать за одинъ звукъ, и назвать его *эль* въ отличіе отъ *эль*. Двухлѣтнія дѣти вмѣсто *ал* говорятъ *аль*; точно также вмѣсто *ла* говорятъ *ля*. Почему же они правильно произносятъ *л* въ слогахъ *аль*, *ля* и неправильно въ слогахъ *ал*, *ла*? Очевидно, что въ обоихъ случаяхъ буквой *л* выражаются различные звуки, а именно: въ слогахъ *ал*, *ла* буква *л* твердая, а въ слогахъ *аль*, *ля*—она мягкая; слѣдовательно вмѣсто *ля* можно писать *льа*.

Школьная грамматика увѣряетъ, будто наши согласныя смягчаются только посредствомъ *ь*; какъ же объяснить, съ точки зрѣнія школьной грамматики, такое странное явленіе: почему наши смягченныя согласныя встрѣчаются въ концѣ словъ (даль), въ серединѣ словъ передъ согласными (*дальній*), даже передъ гласными, не сливаясь съ ними (*лью*), но никогда не сливаются съ гласными для образованія слога? На самомъ же дѣлѣ, живой русскій языкъ *смягчаетъ* согласные звуки и передъ гласными, да только это смягченіе замаскировано отъ близорукихъ сочинителей школьной грамматики неправильностью грамоты: въ слогахъ *ля*, *лю*, *ле* (поле), *лё* (ледъ) буква *л* мягкая, да только мягкость ея не отмѣчена на письмѣ, а потому ее и принимаютъ за твердую. Если бы чита-

тель могъ всецѣло отрѣшиться отъ предразсудка, будто *ь* есть буква, а не знакъ смягченія; то онъ слоги *льа*, *льу*, *льэ*, *льо* прочелъ бы: *ля*, *лю*, *ле*, лё; читатель долженъ убѣдиться, что въ этихъ случаяхъ буквами *я*, *ю*, *е*, ё выражаются чистые звуки *а*, *у*. *э*, *о* съ предшествующей мягкой согласной.

Приведу еще два доказательства. Извѣстно. что при пѣніи можно выводить ноты только на гласныхъ звукахъ При пѣніи слоговъ *ла*, *лу*, *лэ*, *ло*, мы отчетливо слышимъ различные звуки *а*, *у*, *э*. *о*; потому что этими буквами изображаются дѣйствительно различные звуки. Но если пѣть *ла*, *ля*; то въ обоихъ слогахъ будетъ слышенъ одинъ и тотъ же звукъ *а*, совершенно чистый, безъ прибавки *й*, какъ въ словѣ *яма*=*йама*. Слѣдовательно въ начертаніи *ля* полный маскарадъ: здѣсь *л* есть замаскированное *ль*, подъ начертаніемъ *я* скрывается звукъ *а*. Къ тому же заключенію мы должны придти и относительно остальныхъ трехъ паръ слоговъ, если сравнить ихъ при пѣніи: *лу* и *лю*, *лэ* и *ле*, *ло* и лё.

Наблюдайте теперь за способомъ образованія во рту слоговъ *ла*, *лу*, *лэ*, *ло*. Произнесеніе каждаго изъ нихъ начинается одинаково: конецъ языка кладется у переднихъ *верхнихъ зубовъ*, соотвѣтствуя заслонкѣ, закрывающей шлюзъ, то есть ротъ. черезъ который изливаются звуки. Затѣмъ въ моментъ отнятія языка отъ зубовъ образуется моментальный звукъ *л*, а въ открытое такимъ образомъ пространство устремляется который-нибудь изъ гласныхъ звуковъ. При произнесеніи слоговъ *алъ*, *улъ*, *элъ*, *олъ* происходитъ то же явленіе въ обратномъ порядкѣ: въ открытое пространство рта сначала устремляется гласный звукъ. который мы можемъ длить сколько угодно, а потомъ сразу закрываемъ шлюзъ. прикладывая языкъ къ *верхнимъ зубамъ*, при чемъ образуется моментальный звукъ *лъ*, которымъ заканчиваются эти слоги.

Если же будемъ произносить *ля*, *лю*, *ле*, лё, а потомъ *аль*, *уль*, *эль*, *оль*; то замѣтимъ, что во всѣхъ восьми случаяхъ открытіе и закрытіе шлюза происходитъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ, но уже не у верхнихъ зубовъ, *а у неба*, и не кончикомъ, а серединой языка, при чемъ получается согласный звукъ *ль* впереди гласныхъ звуковъ въ слогахъ *ля*, *лю*, *ле*, лё,—или же послѣ тѣхъ же гласныхъ въ слогахъ *аль*, *уль*, *эль*, *оль*.

Если читатель сумѣлъ побѣдить въ себѣ галлюцинацію слуха, то онъ долженъ убѣдиться, что въ русскомъ языкѣ нѣтъ самостоятельныхъ звуковъ *я*, *ю*, *е*, ё, а есть только буквы: произноси-

мыя отдѣльно, онѣ выражаютъ слоги *йа, йу, йэ, йо*; въ связи же съ предшествующей согласной это тѣ же *а, у, э, о*. Различіе въ послѣднемъ случаѣ между *я, ю, е*, ё и *а, у, э, о* чисто условное: согласная передъ *я, ю, е*, ё смягчается, а передъ *а, у, э, о* не смягчается. Слоги *алъ, улъ, элъ, олъ*, произносимые каждый въ обратномъ порядкѣ составляющихъ ихъ звуковъ, звучатъ: *ла, лу, лэ, ло*, а слоги *аль, уль, эль, оль*, произносимые въ обратномъ порядкѣ, звучатъ: *ля лю ле* лё.

Если читатель все-таки не убѣдился въ вѣрности сказаннаго, то ему необходимо прочесть эту главу еще разъ съ бо̀льшимъ вниманіемъ. Впрочемъ все сказанное здѣсь давнымъ давно внесено въ ученыя грамматики,—только никакъ не попадетъ въ школьныя.

Въ предыдущей главѣ мы доказали, что *я=йа, ю=йу, е=йэ*, ё=*йо*; въ этой главѣ доказано, что *я=ьа, ю—ьу, е—ьэ*, ё—*ьо*. Эта двойственность значенія однѣхъ и тѣхъ же буквъ въ высшей степени затрудняетъ изученіе грамоты. Въ ситематическихъ азбукахъ онѣ изучаются послѣ всѣхъ буквъ, какъ самыя трудныя; на усвоеніе ихъ нужно столько же времени, сколько на всѣ остальныя. При этомъ учителю предстоитъ насиловать дѣтскій здравый смыслъ. На первыхъ урокахъ ученикъ научится читать *аб, об, уб*, и потомъ *ба, бо, бу*; здѣсь нѣтъ противорѣчія здравому смыслу. По этому какъ только ученику объяснятъ каждую изъ слѣдующихъ буквъ, онъ легко усваиваетъ: *ад, да; од, до* и т. д.; ученіе быстро и легко подвигается впередъ ко взаимному удовольствію учениковъ и учителя. Но когда возьмутся за буквы я, ю, е, ё характеръ ученія сразу измѣняется; потому что здѣсь здравый смыслъ не только не помогаетъ, а затрудняетъ ученіе. Ученикъ выучитъ произносить *я*; съ знакомой согласной на концѣ онъ и безъ помощи учителя прочтетъ правильно: яб, яд, яз. Затѣмъ учитель даетъ слоги б я, д я, з я и ученикъ читаетъ: б й а—б ъ я, д й а—д ъ я, з й а—з ъ я. Послѣ тщетныхъ усилій объяснить „безтолковому ученику,“ какъ именно слѣдуетъ читать въ данномъ случаѣ, —учитель заставляетъ вызубрить чтеніе слоговъ б я, д я, з я, какъ принято въ нашей грамотѣ. Но разъ такое чтеніе усвоено, начинается новое недоразумѣніе: слоги я б, я д, я з,—ученикъ уже читаетъ а б ь, а д ь, а з ь. Ученикъ и здѣсь вполнѣ логиченъ: слогъ б я, состоящій изъ мягкаго б (бь) и гласной а, при обратномъ чтеніи слѣдовало бы читать а б ь и т. д. Только отка-

завшись отъ здраваго смысла, ученикъ станетъ читать такъ, „какъ хочется учителю.“ Ученикъ инстинктивно чувствуетъ, что способы мышленія у него и у учителя совершенно различны; прежняя умственная связь между ними теряется. Ученикъ говоритъ: „да и трудныя жъ эти мягкія гласныя буквы — ихъ никакъ не поймешь!„ А учитель говоритъ: „что за безтолковыя дѣти — никакъ не поймутъ мягкихъ гласныхъ буквъ!“

Черезъ нѣкоторое время, одолѣвши наконецъ злополучныя буквы, ученикъ забываетъ, съ какимъ трудомъ онѣ ему достались, а затѣмъ начинаетъ считать ихъ совершенно правильными. Впослѣдствіи же произойдетъ у него и та галлюцинація слуха, о которой сказано было выше.

Прежде чѣмъ произносить окончательный приговоръ надъ этими буквами, намъ предстоитъ разобрать еще одну однородную съ ними пару гласныхъ.

ГЛАВА XVII.

Буквы Ы, И.

Изъ числа 36 русскихъ буквъ только четыре никогда не пишутся въ началѣ слога: ъ. ь, й, ы. Гдѣ же причина такой ихъ исключительности: въ свойствахъ ли языка, или же въ условіяхъ правописанія? Посмотримъ...

ъ и ь вовсе не буквы, а дополнительные знаки къ согласнымъ буквамъ, какъ бы составныя ихъ части, подобно знакамъ надъ і, й. Совершенно условно принято писать знаки надъ і, й сверху, — какъ могли бы писать ихъ внизу или сбоку. Точно также условно принято писать ъ и ь послѣ буквъ, къ которымъ они относятся, какъ могли бы писать ихъ сверху или передъ этими буквами: вмѣсто онъ, дань, вьюга, въѣздъ, мы могли бы писать оън, даьн, ьвюга, ъвѣзъд. Привыкнувъ къ такому правописанію, намъ показалось бы страннымъ теперишнее. Французамъ ни сколько не странно писать свой мягкій знакъ (g) передъ смягченной согласной: agneau, montagne; при замѣнѣ здѣсь французскихъ буквъ русскими, выйдетъ: аьно, монтаьн. Слѣ-

довательно отсутствіе *ѣ* и *ъ* въ началѣ словъ не зависитъ отъ свойствъ языка, а отъ условности правописанія.

Читатель знаетъ уже, что звукъ *й* слышится въ началѣ множества словъ; но онъ маскируется буквами *я, е, ю, ѣ*: слѣдовательно и здѣсь виною правописаніе, а не языкъ.

Такимъ образомъ остается единственная буква *ы*, которая *никогда* не употребляется въ началѣ словъ. Чтобы дать надлежащую оцѣнку этой исключительности, замѣтимъ, что ничего подобнаго не представляетъ ни одна буква во всѣхъ европейскихъ азбукахъ. Уже вслѣдствіе одного этого факта, должно явиться предположеніе, нѣтъ ли здѣсь какого-либо подвоха со стороны правописанія: разъ звукъ *ы* существуетъ въ языкѣ, трудно предположить, чтобы народъ не обмолвился ни единымъ словомъ, въ которомъ звукъ этотъ былъ бы въ началѣ. Буква *и* часто имѣется въ началѣ; почему же такое коренное различіе въ употребленіи двухъ родственныхъ буквъ: *и, ы*?

Мы намѣрены объяснить этотъ вопросъ обстоятельно; начнемъ съ природы гласныхъ звуковъ вообще.

Гласные звуки образуются нами въ полости рта, между нёбомъ и языкомъ, въ такъ называемой *звуковой трубѣ*: начало ея въ горлѣ, а конецъ ограничивается губами. Удаляя языкъ отъ неба, можно расширять звуковую трубу, а съ помощью вытягиванія губъ впередъ можно удлинять ее. Различіе гласныхъ звуковъ происходитъ вслѣдствіе, съ одной стороны, суженія звуковой трубы, а съ другой -вслѣдствіе ея удлиненія.

Основныхъ гласныхъ звуковъ человѣческой рѣчи только пять: *а, э, и, о, у*. Звукъ *а* принимается за начальный. Произнесите протяжно каждую изъ гласныхъ, одну послѣ другой: *а—о—у*, и вы легко замѣтите, что различіе ихъ происходитъ вслѣдствіе удлиненія звуковой трубы. Произнеся такимъ же образомъ звуки *а—э—и*, мы замѣтимъ, что различіе ихъ происходитъ вслѣдствіе суженія звуковой трубы. Каждый изъ этихъ пяти звуковъ можетъ имѣть и переходныя ступени, въ зависимости отъ большей или меньшей *степени* удлиненія или суженія звуковой трубы. Иные языки только пяти основнымъ гласнымъ придаютъ *лексическую* силу, то есть пользуются ими для выраженія того или иного значенія слова; а иные языки придаютъ лексическую силу и переходнымъ ихъ ступенямъ. Такъ у насъ одинъ только звукъ *э*, какъ бы мы его ни изображали: *это*, *уже*, *весь*, *вѣра*, *лебедь*, *телѣга*.

Французы же придаютъ лексическую силу разнымъ оттѣнкамъ звука *э*: père—отецъ, pére—наливка, peur—страхъ, paire—пара. У французовъ слухъ развитъ упражненіемъ къ воспріятію этихъ оттѣнковъ звука *э*; для русскаго же, не обучавшагося французскому языку, опи неуловимы, потому что нашъ слухъ никогда не упражнялся въ этомъ направленіи. Преподаватели французскаго языка въ русскихъ школахъ знаютъ, что для русскихъ дѣтей нужны цѣлые годы, чтобы развить свой слухъ къ воспріятію французскихъ é, è, ai, eu; мы имѣемъ въ виду дѣтей, въ семьѣ которыхъ не говорятъ пофранцузски. Такъ какъ французы придаютъ лексическую силу разнымъ оттѣнкамъ звука *э*, поэтому у нихъ и введено различное изображеніе для каждаго такого оттѣнка.

Тотъ или другой оттѣнокъ гласнаго звука получается и самъ собою, вслѣдствіе сочетанія съ тѣми или иными звуками; тотъ же французъ не вполнѣ одинаково произноситъ свое i въ словахъ: chicane, ami. Но такъ какъ языкъ его не придаетъ лексическаго значенія этимъ оттѣнкамъ, то онъ и самъ не замѣчаетъ ихъ, а потому и не нуждается въ различныхъ изображеніяхъ i. Логичность этого правила очевидна, и оно болѣе или менѣе соблюдается во всѣхъ азбукахъ.

Теперь разсмотримъ наши *ы*, *и*. какъ *звуки* живой русской рѣчи и какъ *буквы* русской грамоты, то есть ихъ *произношеніе* и *правописаніе*.

Фонетическое (звуковое) наименованіе ихъ, введенное теперешними учителями грамоты вмѣсто старинныхъ *еры*, *иже*, извѣстно каждому: съ цѣлью какъ можно болѣе отмѣтить различіе между ними, учителя при произнесеніи *и* стараются какъ можно болѣе сузить звуковую трубу, а при произнесеніи *ы*—какъ можно болѣе расширить ее. Получаются такимъ образомъ двѣ крайнія степени одного и того же звука. Но еще вопросъ, эти ли самыя степени свойственны нашему языку? Эти ли самые звуки произноситъ тотъ же учитель, когда бесѣдуетъ съ пріятелемъ? Что въ томъ и другомъ случаяхъ у него должны выходить различные звуки, видно изъ того уже, что учитель во время урока, для произнесенія ихъ, дѣлаетъ усиліе, напряженіе, а въ домашней бесѣдѣ *ы*, *и* произносятся свободно, безъ малѣйшаго усилія. Свойственные родному языку звуки некосноязычнымъ человѣкомъ всегда произносятся совершенно свободно; каждый же звукъ, произноси-

мый съ усиліемъ, чуждъ родному языку,—и тѣмъ болѣе чуждъ, чѣмъ труднѣе произносится. Учитель грамоты дѣлаетъ особенное усиліе при наименованіи *ы*; при этомъ получается уже нѣчто, напоминающее скорѣе звѣриный ревъ, нежели человѣческій голосъ.

Если хотите уловить оттѣнки звуковъ *ы*, *и*, свойственныхъ русскому языку,—то прислушайтесь къ народному говору: увѣряю васъ, вы не услышите ни слишкомъ тонкаго *и*, ни слишкомъ грубаго *ы*, Въ фразѣ: *низомъ дымъ идетъ*, различіе между тремя *и* вообще мало чувствительно, и для русскаго уха трудно уловимо. Чтобы убѣдиться въ этомъ, слѣдуетъ только пропѣть поочередно три слога въ приведенномъ примѣрѣ: *ни*, *ды*, *и*; кажущееся при чтеніи различіе ихъ происходитъ отъ того, что первый слогъ имѣетъ впереди мягкую согласную, второй—твердую, а третій—никакой. У св. Кирилла не было вовсе буквы *ы*, а было только *и*. Первоначально, и то уже послѣ св. Кирилла, вмѣсто нашего теперешняго *ы* писались двѣ буквы: *ъи*. Смыслъ этого начертанія такой: *ъ* указываетъ на твердое произношеніе предшествующей согласной, сочетающейся съ обыкновеннымъ *и*. Св. Кириллъ признавалъ одинъ только гласный звукъ *ы*=*и*=*і*, а не два: онъ совершенно, безусловно правъ. Въ этомъ можно и *наглядно* убѣдиться на составныхъ словахъ при стеченіи твердой согласной съ *и*: безъименный, предъидущій, подъимать, изъискать безъизвѣстный, съиграть, съискной, розъигрышъ, изъисканіе; въ этихъ словахъ мы смѣло пишемъ *ы* вмѣсто *ъи*: безыменный, предыдущій, подымать, взыскать и пр.

Слово *еры* не есть такое названіе буквы, какъ остальныя: *азъ*, *буки*, *вѣди*, и пр.; это два наименованія, слившіяся въ одно: *еръ*, *и* то есть *еръи*=*еры*. Нынѣшнее начертаніе *ы* состоитъ изъ буквъ *ь* , *і* то есть *ьі*=*ьи*; въ этомъ начертаніи *мягкій знакъ* служитъ для показанія *твердаго* произношенія согласной: очевидная безсмыслица.

Звуку *и*, подъ вліяніемъ сосѣдства съ тѣми или иными звуками, какъ и всѣмъ остальнымъ звукамъ, свойственно получать нѣкоторые оттѣнки произношенія. Но русскій народъ никогда не пользуется ими для лексическаго образованія словъ, не пользовался ими и въ древности, а потому и слѣдуетъ считать въ русскомъ языкѣ одинъ только звукъ *и*=*ы*=*і*.

Въ тожественности звуковъ *ы*=*и* можно убѣдиться съ помощью обратнаго чтенія словъ, въ которыхъ есть эти звуки; при

чемъ произносить нужно не буквы, а изображенные ими элементарные звуки. Слово *далъ* при обратномъ произнесеніи превращается въ *ладъ*: это понятно. Нѣсколько труднѣе произносить такимъ образомъ слова, изображенныя неправильными, замаскированными буквами, напримѣръ слово *даль*; здѣсь двумя послѣдними буквами выражается одинъ мягкій согласный звукъ, а потому при обратномъ чтеніи слова *даль* получается *льадъ=лядъ*.

Теперь обратимся къ буквамъ *ы, и*; при чемъ читатель долженъ помнить условное значеніе ихъ въ русской грамотѣ: передъ *ы* согласная буква всегда твердая, а передъ *и*—мягкая. Возьмемъ слова: *былъ, быль, билъ, биль,* и попробуемъ читать ихъ въ обратномъ порядкѣ элементарныхъ звуковъ, которые слышатся въ каждомъ изъ этихъ словъ.

Былъ превращается въ *лыбъ*: это ясно.

Труднѣе прочесть такимъ же образомъ *быль*. Слово это состоитъ изъ трехъ звуковъ: 1) твердаго *б*, 2) гласнаго звука *ы*, 3) мягкаго согласнаго звука, выраженнаго двумя буквами *ль*; при обратномъ произнесеніи получается *льыбъ=либъ*.

Слово *билъ* состоитъ изъ трехъ звуковъ: 1) мягкаго *бь*, 2) гласнаго звука *и* и 3) твердаго согласнаго, изображеннаго двумя буквами *лъ*; при обратномъ сочетаніи звуковъ получится *лъибъ=лыбъ*.

Слово *биль* состоитъ изъ трехъ звуковъ: 1) мягкаго согласнаго *бь*, 2) гласнаго звука *и*, 3) мягкаго согласнаго *ль*; при чтеніи ихъ въ обратномъ порядкѣ получается: *льибъ=либъ*.

Изъ этихъ примѣровъ видно, что русскій языкъ не признаетъ различія звуковъ, которые изображаются различными буквами *и=і=ы*.

Звуковое различіе между слогами *лы—ли* такое же, какъ и между слогами *ла—ля*; то есть, они различаются согласными звуками, а не гласными.

Нелогичность нашего правописанія обнаруживается уже изъ того, что слова *былъ* и *быль* при обратномъ чтеніи ихъ по буквамъ, а не по звукамъ, превращаются въ одно и то же слово—*лыбъ*; точно также каждое изъ словъ: *билъ* и *биль* превращается въ *либъ*.

Тѣмъ не менѣе обѣ буквы *ы, и,* изображая одинъ и тотъ же звукъ, все-таки необходимы въ *теперешней* грамотѣ: онѣ служатъ для указанія, смягчается или не смягчается предыдущая согласная. Въ началѣ же слога было бы даже логичнѣе писать *ы*, а

не *и*; потому что роль послѣдней—смягчать предыдущую согласную.

Учителю грамоты нѣтъ никакой надобности издавать звѣриный ревъ при произнесенiи *ы*, а мышиный пискъ при произнесенiи *и*: пусть онъ произнесетъ обѣ буквы тожественно, при томъ безъ усилія, безъ напряженія,—и получится звукъ, наиболѣе свойственный родному нарѣчію. Пока нынѣшняя азбука не будетъ исправлена, учитель долженъ объяснять ученикамъ условное различiе двухъ начертанiй для каждаго гласнаго звука: *я*=*а*, *ю*=*у*, *е*=*э*, ё=*о*, *и*=*ы*, по отношенiю ихъ къ предшествующей согласной буквѣ,—то есть чисто условное различiе буквъ, а не изображаемыхъ ими тожественныхъ звуковъ. Тогда не будетъ необходимости насиловать дѣтскiй здравый смыслъ, подчиняя его нашимъ предразсудкамъ и галлюцинацiямъ.

ГЛАВА XVIII.

Способъ смягченія согласныхъ буквъ.

Въ русскомъ языкѣ гласныхъ звуковъ только пять; но для выраженія ихъ имѣется цѣлыхъ 12 буквъ; изъ нихъ три мы уже упразднили: *ѵ*, *ѣ*, *i;* остальныя девять для большей наглядности размѣщены въ слѣдующей таблицѣ.

РЯДЫ	СТОЛБЦЫ.				
	1	2	3	4	5
I.	а	о	у	э	ы
II.	я	ё	ю	е	и

Въ каждомъ изъ пяти столбцевъ помѣщено по двѣ буквы, выражающія тожественные звуки (при чемъ ё и е считаются за двѣ буквы); различiе же между ними заключается въ томъ, что передъ буквами I-го ряда согласныя не смягчаются, а передъ

буквами II-го ряда смягчаются. (Употребленіе буквъ II ряда для выраженія *йа, йо, йу, йе*—предполагается упраздненнымъ.)

Двоякое изображеніе каждаго гласнаго звука не можетъ не спутывать обучающагося грамотѣ.

Для того чтобы сдѣлать грамоту вполнѣ послѣдовательною въ этомъ отношеніи, есть очень простое средство—слѣдуетъ ввести по одному новому начертанію для каждой мягкой согласной, а буквы *ю, я, е, и, ь* упразднить; но это увеличило бы нашу азбуку на цѣлыхъ полтора десятка буквъ: поэтому нужно поискать другаго средства, болѣе практическаго въ смыслѣ облегченія грамоты...

Считаю излишнимъ перечислять всѣ способы, употребляемые различными грамотами для обозначенія смягченія согласныхъ. Самымъ древнимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе устойчивымъ изъ нихъ слѣдуетъ признать употребленіе надстрочнаго знака надъ смягчаемой согласной.

Въ нѣсколькихъ древнихъ славянскихъ рукописяхъ сохранились такіе знаки и назывались *ериками* и *паериками*; эти названія происходятъ отъ слова *еръ*. Я упоминалъ уже о томъ, какъ старинные грамотѣи ввели въ употребленіе нѣкоторыя греческія буквы, совершенно основательно считавшіяся св. Кирилломъ безполезными. Эти же грамотѣи безъ нужды ввели въ употребленіе и разные греческіе надстрочные знаки, которыхъ поэтому сдѣлалось такъ много, что послѣдующіе переписчики спутались въ ихъ значеніи, а для смягченія согласныхъ стали прибѣгать къ буквамъ *ь* и *і*, присоединяя послѣднюю къ гласной буквѣ. Дольше всего держался надстрочный смягчающій знакъ при буквахъ *н* и *л*; западные славяне, принявъ латинскую азбуку, удержали его именно при этихъ буквахъ. Веденіе надстрочнаго смягчающаго знака въ славянскую грамоту, по всей вѣроятности, принадлежитъ св. Кириллу; послѣ него ничего умнѣе не придумано для этой цѣли. Поэтому я предлагаю этотъ знакъ ввести для Новой Азбуки. Мы можемъ оставить только пять гласныхъ буквъ: *а, о, у, е, и* (буква *е* будетъ соотвѣтствовать теперешнему *э*); остальныя всѣ (*я, ю, э, ы. і, ѵ, ѣ*) упразднить вмѣстѣ съ *ь*. Всѣ согласныя, при которыхъ нѣтъ надстрочнаго знака, будутъ читаться *твердо*, а съ надстрочнымъ знакомъ *мягко*.

Приведу рядъ словъ, изображенныхъ предлагаемой мною Новой Азбукой: Л'ена=Лена (рѣка), Л'она=Лёна (уменьшитель-

ное отъ Елена), дишал'и=дышали, дин'а=дыня, св'ин'йа=свинья, д'ен'=день, т'ен'=тѣнь, изйезд'или'=изъѣздили, в'йун=вьюнъ, обйавл'айу=объявляю, в'етв'=вѣтвь, пал'ч'ик=пальчикъ, сил'н'ейе=сильнѣе, л'он=ленъ, зв'озди=звѣзды, гн'озда=гнѣзда, т'орн=тѣрнъ, пул'а=пуля, п'йу=пью, п'ат'=пять, вйезд=въѣздъ, в'езд'е=вездѣ.

Съ принятіемъ надстрочнаго смягчающаго знака обнаружатся нѣкоторые законы языка, которые теперь маскируются неправильностью азбуки, путая и сбивая обучающагося грамотѣ. Въ этомъ читатель легко убѣдится изъ приведенной ниже таблицы, гдѣ сравнивается склоненіе однихъ и тѣхъ же словъ, изображенное нынѣшней азбукой и Новой Азбукой. Читатель увидитъ, что различіе твердаго и мягкаго склоненій есть чистѣйшій маскарадъ; въ живой рѣчи мы *слышимъ* одни и тѣ же окончанія въ словахъ: орл—а, цар'—а; роз—*у*, пул'—*у* и пр.; но *видимъ* различное изображеніе однихъ и тѣхъ же звуковъ: орл—*а*, цар—*я*; роз—*у*, пул—*ю* и пр., а отсюда ложное, извращенное представленіе о живомъ языкѣ.

Таблица твердыхъ и мягкихъ склоненій.

	При нынѣшней азбукѣ.		*При Новой Азбукѣ.*	
И.	Орел—*ъ*	цар—*ь*	ор'ол—	цар'—
Р.	орл—*а*	цар —*я*	орл—*а*	цар'—*а*
Д.	орл—*у*	цар—*ю*	орл—*у*	цар'—*у*
Т.	орл—*омъ*	цар—*емъ*	орл—*ом*	цар'—*ом*
П.	орл—*ѣ*	цар—*ѣ*	орл —*е*	цар'—*е*
И.	орл—*ы*	цар—*и*	орл—*и*	цар'—*и*
Р.	орл—*овъ*	цар—*ей*	орл—*ов*	цар'—*ей*
Д.	орл—*амъ*	цар—*ямъ*	орл—*ам*	цар'—*ам*
Т.	орл—*ами*	цар—*ями*	орл—*ам'и*	цар'—*ами*
П.	орл—*ахъ*	цар—*яхъ*	орл—*ах*	цар'—*ах*
И.	роз—*а*	пул—*я*	роз—*а*	пул'—*а*
Р.	роз—*ы*	пул—*и*	роз—*и*	пул'—*и*
Д.	роз—*ѣ*	пул—*ѣ*	роз'—*е*	пул'—*е*
В.	роз—*у*	пул—*ю*	роз—*у*	пул'—*у*
П.	роз—*ѣ*	пул—*ѣ*	роз'—*е*	пул'—*е*

И.	роз—*ы*	пул—*и*	роз—*и*	пул'---*и*
Р.	роз—*ъ*	пул—*ь*	роз— —	пул'--- ---
Д.	роз—*амъ*	пул—*ямъ*	роз—*ам*	пул'---*ам*
Т.	роз—*ами*	пул—*ями*	роз—*ам'и*	пул'---*ам'и*
П.	роз—*ахъ*	пул—*яхъ*	роз—*ах*	пул'---*ах*
И.	чер—*ный*	син—*ій*	черн—*ий*	с'ин'---*ий*
Р.	чер—*наго*	син—*яго*	черн—*аго*	с'ин'---*аго*

Для нагляднаго ознакомленія, приведу нѣсколько примѣровъ, напечатанныхъ по предлагаемому способу—на русскомъ и славянскомъ языкахъ.

Мол'итва Господн'а.

Отче наш иже йес'и на н'еб'ес'ех! да св'ат'итс'а им'а Твойе; да пр'иид'ет царств'ийе Твойе; да буд'ет вол'а Твойа, йако на н'еб'ес'и, и на з'емл'и; хл'еб наш насущний дажд' нам дн'ес'; и остав'и нам долг'и наша, йако же и ми оставл'айем должн'иком наш'им; и н'е вв'ед'и нас во искушен'ийе, но избав'и нас от лукаваго. Йако Твойе йест' царство и с'ила и слава во в'ек'и. Ам'ин'.

Русск'ий народний г'имн.

боже, Цар'а хран'и!
С'ил'ний, державний,
Царствуй на славу нам,
Царствуй на страх врагам,
Цар' православний!
боже, цар'а хран'и!

Русскайа з'емл'а

Ах ты гой йес'и наша матушка,
вел'ика ти, Рус', ш'ирока стоиш'!

Ти горам'и подн'алас' до подн'еб'ес'йа,
Ти ст'еп'ам'и, государин'а, раск'инулас',
Ти мор'ам'и разл'илас'а с'ин'им'и,
Р'екам'и покрилас' глубок'им'и,
Ґородам'и разукрас'илас' л'удним'и,
Разрослас' л'есам'и др'емуч'им'и.

Единственное, что въ этихъ примѣрахъ можетъ смущать непривычнаго читателя—это обиліе надстрочныхъ знаковъ; но ихъ меньше, чѣмъ во французской грамотѣ; а французскій языкъ и его грамота сдѣлались международными. Слѣдовательно надстрочные знаки не могутъ служить помѣхой; при томъ число ихъ слѣдуетъ значительно сократить.

Въ Новой Азбукѣ буква *й* должна быть безъ надстрочнаго знака, не имѣющаго въ этомъ случаѣ никакого смысла; т. е. вмѣсто *й* слѣдуетъ придумать новое начертаніе; такимъ образомъ всѣ надстрочные знаки имѣли бы одно и то же значеніе,—что очень важно для усвоенія грамоты.

Кромѣ того желательна еще одна поправка въ правописаніи. При произнесеніи звуковъ *ж, ч, ш*, мы не смягчаемъ ихъ ни въ русскомъ языкѣ, ни въ славянскомъ Слухъ не подсказываетъ русскому человѣку, гдѣ грамматика требуетъ послѣ этихъ буквъ *ь*, а гдѣ *ъ*; окончанія въ словахъ *дашь* и *нашъ* звучатъ тожественно. Нужно долго изучать русское правописаніе, чтобы научиться безошибочно писать подобныя слова; между тѣмъ русскій человѣкъ и безъ грамматики слышитъ *ъ* и *ь* въ словахъ: *далъ—даль, сталъ—сталь, станъ—стань*. Поэтому употребленіе смягчающаго знака при буквахъ *ж, ч, ш* противорѣчитъ живому языку, и потому подлежитъ упраздненію. Правила смягченія на письмѣ буквъ *г, к, х, ц* тоже нуждаются въ поправкахъ.

ГЛАВА XIX.

Новая Русская Азбука.

Новая Русская Азбука должна состоять изъ пяти гласныхъ:

а, о, у, е, и,—двадцати согласныхъ: *б, в, г, д, ж, з, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х, ц, ч, ш, й*—и одного надстрочнаго знака для смяченія, а всего 26 буквенныхъ начертаній, вмѣсто теперешнихъ 36.

Съ упраздненіемъ одинадцати буквъ (*і, ы, ѣ, э, ю, я, ѵ, щ, ѳ, ъ, ь*) азбука не только не обѣднѣетъ выражаемыми ею звуками, но сдѣлается еще богаче; потому что явится возможность изображать такіе звуки, которые теперь читаются по догадкѣ, такъ какъ не имѣютъ присвоенныхъ имъ спеціальныхъ буквенныхъ начертаній, а именно: *йолка, л'он, с'одла, дайош, ид'ош* и проч.

Постараемся же хотя приблизительно опредѣлить, на сколько предлагаемая мною азбучная реформа ускорила бы изученіе грамоты.

Читатель помнитъ, что въ одной изъ предыдущихъ главъ мы предположили, что для усвоенія теперешней русской грамоты, то есть для того, чтобы научиться свободно читать русскія печатныя книги и болѣе или менѣе свободно—рукописи и славянскія книги, необходимо употребить не менѣе пяти лѣтъ: сколько же понадобится времени для такого же усвоенія грамоты послѣ осуществленія реформы полностью?

При рѣшеніи этой задачи слѣдуетъ имѣть въ виду свойство человѣческой памяти: если учащійся выучиваетъ сотню иностранныхъ словъ съ ихъ значеніемъ въ 300 минутъ; то для того, чтобы выучить 50 словъ, ему понадобится не 150 минутъ, а значительно меньше, предположимъ 130; 25 словъ онъ выучитъ скорѣе чѣмъ въ 65 минутъ и т. д.; то есть: съ уменьшеніемъ изучаемаго матерьяла количество времени для ученія уменьшается не пропорціонально, а прогрессивно.

Прежде было доказано, что съ изгнаніемъ всѣхъ думмшрифтовъ, процессъ усвоенія грамоты долженъ пойти быстрѣе; упраздненіе же кириллицы, съ ея сорока четырьмя буквами и съ ея титлами,—почти вдвое уменьшаетъ матерьялъ ученія. Поэтому мы имѣемъ полное основаніе предположить, что съ изгнаніемъ думмшрифтовъ и съ упраздненіемъ кириллицы, вдвое должно уменьшиться и время, необходимое для усвоенія грамоты,—тогда достаточно было бы *двухъ съ половиной лѣтъ (30 мѣсяцевъ)* вмѣсто пяти.

Изъ остававшихся за тѣмъ двухъ азбукъ, мы упраздняемъ

печатную, что составляетъ почти половину учебнаго матерьяла; для усвоенія грамоты понадобится тогда не тридцать, а всего *пятнадцать мѣсяцевъ.*

Но и этотъ матерьялъ уменьшится болѣе чѣмъ вдвое вслѣдствіе упраздненія всѣхъ особыхъ начертаній для прописныхъ буквъ и разныхъ варьянтовъ для строчныхъ буквъ: поэтому время для усвоенія грамоты должно сократиться еще болѣе чѣмъ вдвое, то есть до *семи мѣсяцевъ,* вмѣсто пятнадцати.

Послѣ этого мы приступили къ преобразованію самой азбуки: вмѣсто тридцати шести буквъ мы оставили только двадцать пять й надстрочный знакъ, то есть сократили число буквъ почти на одну треть; поэтому и время для изученія грамоты можемъ сократить до *пяти мѣсяцевъ* вмѣсто семи.

Но это далеко не все. Уничтоживъ самыя трудныя буквы, устранивъ всѣ вопіющія несообразности и уничтоживъ маскированіе на письмѣ живыхъ звуковъ языка, мы вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно упростили грамоту. Присвоивъ каждому элементарному звуку по *одной* только буквѣ, а каждой буквѣ по *одному* только начертанію, мы приспособили азбуку къ усвоенію даже двухлѣтними дѣтьми (объ этомъ подробности въ слѣдующей главѣ). Нельзя и приблизительно рѣшить, во сколько разъ черезъ все это должно ускориться и облегчиться изученіе грамоты!...Во всякомъ случаѣ мы можемъ сдѣлать такой выводъ: если въ настоящее время нужно приблизительно около *пяти лѣтъ* для усвоенія русской грамоты, то съ принятіемъ предлагаемой реформы—достаточно будетъ около *трехъ мѣсяцевъ,* то есть русская грамота должна облегчиться въ *двадцать разъ,*—при чемъ и самое изученіе грамоты приметъ совершенно иной характеръ, о которомъ подробно будетъ сказано далѣе.

ГЛАВА XX.

Способы изученія грамоты.

Отцы наши держались чисто *механическаго* способа обученія грамотѣ: *буки—азъ—ба, вѣди—азъ—ва* и т. д.

Съ конца прошлаго столѣтія стали придумывать *раціональ-*

ные методы. Остановились на звуковомъ, и ввели его въ школу— сначала за границей, а послѣ и у насъ: сочинители звуковыхъ букварей и ихъ послѣдователи теперь относятся съ презрительной иронiей къ прежнему *буки—азъ—ба*.

Старинный способъ обученія, не мудрствуя лукаво, бралъ азбуку, какъ фактъ, какъ явленіе, подлежащее изученію. Дѣти съ помощью учителя заучивали сначала наименованія всѣхъ буквъ, потомъ склады, чтеніе по складамъ и т. д.; это было скучно, и тянулось чрезвычайно долго. За тѣмъ слѣдовало безсознательное чтеніе словъ,—а наконецъ незамѣтно, чисто механически, одолѣвалась грамота. Здѣсь не было ни малѣйшаго насилія надъ умомъ ребенка; учитель не тянулъ его за душу, а только заставлялъ учиться и учиться.

Раціональный учитель порѣшилъ, что для умственнаго развитія необходимо, чтобы ученикъ воспринималъ все съ полнымъ убѣжденіемъ, съ доказательствами. Прежній учитель не разсуждалъ, какимъ образомъ изъ буквъ *б*=*бъ* и *я*=*йа* дѣлается *бя*=*бъа*=*б'а*,—не разсуждая внушалъ ученику *буки—я*=*бя*, и ученикъ принималъ это, какъ фактъ. Раціональный же учитель заставляетъ ученика догадываться, что *бъ* , *йа* есть *бъа*=*бя*(*); но ученикъ никакъ не догадается отвѣтить именно этой чепухой, а не какой-либо иной! Если бы я былъ убѣжденъ, что дважды два—гнѣдая кобыла; то какъ бы ни старался, чтобы вы догадались дать отвѣтъ, согласный моему убѣжденію,—вы никогда не догадаетесь. А если бы я назойливо приставалъ къ вамъ за отвѣтомъ, вы бы приняли меня за сумасшедшаго, и прогнали бы прочь. Ученикъ не смѣетъ сказать учителю: „да отстань отъ меня!“ А учитель съ пѣною у рта или же съ подавляющимъ спокойствіемъ (второе хуже), все тянетъ да тянетъ ребенка за душу: „да ты подумай!... Ну, сообрази... Подумай еще!“ И не замѣчаетъ учитель, что у бѣднаго ребенка отъ этого думанья уже и въ ушахъ звенитъ, и глаза затуманились слезами... Хуже всего, что ребенокъ никакъ не пойметъ, никакъ не догадается, чего это присталъ къ нему учитель, и что нужно сдѣлать, чтобы онъ не привязывался, не приставалъ.

(*) Замѣчательно, что тридцать лѣтъ тому назадъ Л. Н. Толстой писалъ о двойственномъ значеніи «мягкихъ гласныхъ буквъ,» а раціональные педагоги и сочинители школьныхъ грамматикъ все-таки не вѣрятъ этому. Въ «Правописаніи» г. Грота говорится о томъ же, а они все-таки не внемлютъ!!

Чуть только ребенокъ научился разбирать слова, а раціональный педагогъ уже производитъ надъ нимъ экспериментъ „сознательнаго чтенія.“ Еще ребенокъ для прочтенія каждаго трехсложнаго слова употребляетъ громадное напряженіе своихъ крохотныхъ умственныхъ силъ, а раціональный педагогъ уже требуетъ, чтобы ученикъ понималъ смыслъ цѣлой фразы. При этомъ только и слышишь: „нѣтъ, не такъ прочелъ... нѣтъ! .. Да ты подумай!.. Ну, подумай.... Теперь такъ.... Ну, слѣдующее слово... А что это значитъ?... А первое слово какъ ты прочелъ?... Уже забылъ? Ну, читай сначала... А что значатъ оба эти слова?... Читай теперь третье слово, да не забывай и первыхъ двухъ!...“

Горе ребенку, попавшему въ руки раціональнаго учителя! Начало того страшнаго зла, которое извѣстно подъ именемъ переутомленія дѣтей, кроется въ *раціональномъ* обученіи грамотѣ при *нераціональной* азбукѣ и въ обученіи сознательному чтенію дѣтей, съ трудомъ разбирающихъ слова.

Въ виду чрезвычайной важности этого вопроса, приведу одно сдѣланное мною наблюденіе.

Зимою 1887 года моему сынишкѣ исполнилось два года, и въ этотъ самый день мы приступили съ нимъ къ изученію грамоты по Новой Азбукѣ. Я убѣжденъ, что научиться говорить труднѣе, чѣмъ научиться читать по Новой Азбукѣ, и если двухлѣтнія дѣти уже умѣютъ немножко говорить, то могутъ учиться и читать, если только примѣнить къ обученію грамотѣ тотъ же методъ, посредствомъ котораго дѣти учатся говорить. Съ этой цѣлью я купилъ сотню визитныхъ карточекъ, только чистымъ, и показалъ ребенку. Тотъ, разумѣется: „дай! дай!“ Написалъ я, въ его присутствіи, на одной карточкѣ *папа*, а на другой *мама* и подарилъ ему, объяснивъ, что написано на каждой. Проситъ еще —опять я сдѣлалъ тѣ же надписи и подарилъ ему. Такимъ образомъ онъ получилъ паръ шесть карточекъ. Первый урокъ тѣмъ и окончился. Ребенокъ забавлялся карточками, пока не надоѣло. На другой день я принесъ ему нѣсколько паръ карточекъ съ такими же надписями, и предлагалъ одну за другою съ тѣмъ, что онъ получаетъ только тѣ, на которыхъ прочтетъ надписи; при этомъ чуть только онъ не отгадывалъ сразу надписи, я самъ читалъ и пряталъ карточку со словами: „нѣтъ, это моя.“ Черезъ нѣсколько дней онъ уже умѣлъ прекрасно различать на письмѣ

слова *папа* и *мама*. Черезъ недѣлю онъ такимъ же способомъ научился читать *вава*, еще черезъ недѣлю—*баба*.

Не стану разсказывать подробно всего нашего ученія, а передамъ только сущность. Мы читали только такія слова, которыя онъ уже зналъ и умѣлъ произносить. Писалъ я строчными печатными буквами безъ всякаго правописанія, а согласно выговору: *аса*, *йама* и пр. Я занимался съ нимъ чтеніемъ только тогда, когда ему это нравилось, и не дѣлалъ никакихъ объясненій.

Въ продолженіе года ребенокъ научился читать словъ 50, какой бы величины буквами они ни были написаны. По какимъ признакамъ онъ различалъ слова—я не знаю; читалъ онъ сразу цѣлое слово, какъ и мы; посмотритъ на бумажку, и скажетъ. Къ концу перваго года ученія у него самъ собою совершился умственный процессъ: онъ началъ сознавать буквы, независимо отъ словъ. Гласныя онъ называлъ сразу правильно звуковымъ способомъ: а, о, е (э), у, и; согласнымъ же давалъ собственныя клички. Такъ букву *м* сначала называлъ *мама*, потомъ *ма*, потомъ *ме*; впослѣдствіи же отъ домашнихъ онъ узналъ и общепринятыя ихъ названія. Опасаясь обременять память ребенка, я сталъ все рѣже и рѣже давать новыя слова; но упражненія на старыхъ производились ежедневно по почину его самого.

Когда ему исполнилось три года, онъ, по собственному побужденію, сталъ копировать съ карточекъ сначала буквы, а потомъ и слова. Въ четыре года, то есть черезъ два года ученья, онъ уже могъ написать подъ диктовку каждое коротенькое слово. Писалъ онъ по собственному побужденію и всегда съ охотою. Я рѣшился открыть ему секретъ смягчающаго знака. Для этого я далъ два слова: *дада*, *д'ад'а*, и прочелъ ихъ; черезъ нѣсколько дней еще два: *нана*, *н'ан'а*. Онъ скоро понялъ, въ чемъ дѣло, и самъ заинтересовался упражненіями въ смягченіи согласныхъ: наставитъ въ словѣ смягчающихъ знаковъ и заставляетъ меня читать. Нѣсколько раньше этого онъ очень пристрастился къ афишамъ. Тутъ онъ встрѣтился съ незнакомыми ему буквами, которыя я считаю лишними въ русской азбукѣ, и заучилъ ихъ помимо меня, со словъ другихъ; а отъ меня требовалъ, чтобы я читалъ ему слова съ этими буквами. Вырѣзываніе всякихъ буквъ и складываніе ихъ въ ящики стало его любимой забавой. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ занимался и копированіемъ всевосможныхъ буквенныхъ начертаній, какія ему попадались.

Онъ пробовалъ разбирать слова на афишахъ. Но это ему очень рѣдко удавалось безъ посторонней помощи, вслѣдствіе незнакомства со многим начертаніями и съ общепринятымъ способомъ чтенія ихъ

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ произошло явленіе, которое можетъ показаться очень страннымъ: ребенокъ сталъ хуже и хуже разбирать слова на карточкахъ, совсѣмъ пересталъ писать и даже началъ сбиваться въ буквахъ. Обиліе буквенныхъ начертаній сдѣлало свое дѣло: пока онъ зналъ только 25 буквъ, онъ легко справлялся съ ними; но когда онѣ смѣшались съ цѣлыми сотнями всевозможныхъ буквенныхъ начертаній, то онъ съ трудомъ узнавалъ старыхъ знакомцевъ въ хитрыхъ завитушкахъ да закорючкахъ. Его знакомцы стали представляться ему какими-то кривляками. Онъ испытывалъ то же ощущеніе, какъ если бы знакомыя лица начали предъ нимъ гримасничать и дѣлать всевозможныя рожи. Мало того, пока онъ учился только по моимъ карточкамъ, то сливалъ въ своемъ умѣ представленіе отдѣльнаго звука съ его начертаніемъ. А тутъ являются новыя каракульки для тѣхъ же звуковъ; въ крошечномъ умѣ произошла путаница. Мнѣ стало совершенно ясно, что умъ его, вполнѣ усвоившій 25 буквенныхъ начертаній, каждое съ отдѣльнымъ звукомъ, былъ еще слабъ, чтобы справиться съ цѣлыми ихъ сотнями для тѣхъ же звуковъ. Кончилось тѣмъ, что ребенокъ сначала охладѣлъ къ чтенію, а потомъ почувствовалъ къ нему даже какое-то отвращеніе, свойственное всѣмъ людямъ къ непосильной умственной работѣ. Спрошу бывало: „можетъ быть почитаемъ немножко?“—„Не хочу!“ отвѣчаетъ ребенокъ, и убѣжитъ даже. Я пересталъ и напоминать о чтеніи. Такъ прошло еще съ полъ года. Ученику моему окончилось пять лѣтъ. Однажды онъ обращается ко мнѣ: „А мы съ тобой когда-то читали? Отчего мы уже не читаемъ?“ Принялись за чтеніе по общепринятой азбукѣ.

Такимъ образомъ я на опытѣ убѣдился, что трехлѣтній ребенокъ, самыхъ обыкновенныхъ способностей, безъ малѣйшаго умственнаго напряженія можетъ понять и усвоить Новую Азбуку, какъ вполнѣ доступный ему предметъ. А разъ онъ пойметъ механику складыванія всевозможныхъ словъ изъ двадцати пяти буквъ, то онъ самъ пріобрѣтетъ навыкъ чтенія по афишамъ, вывѣскамъ, заглавіямъ книгъ, по надписямъ на конвертахъ и. т. д., встрѣчая вездѣ одни и тѣ же начертанія—всего лишь 26.

Если при нынѣшнихъ миріадахъ буквенныхъ начертаній не особенно рѣдки случаи, что шестилѣтнія дѣти сами собою научиваются разбирать слова,—то что же должно произойти при Новой Азбукѣ? тогда дѣти одни отъ другихъ и отъ взрослыхъ, всѣ безъ исключенія, сами научатся читать, какъ теперь учатся говорить. Не нужно будетъ никакихъ методовъ обученія грамотѣ, какъ не надо никакихъ методовъ для обученія дѣтей говорить языкомъ семьи. Всѣ, рѣшительно всѣ, сами собою научатся и читать, и писать, какъ теперь учатся говорить и понимать другихъ.

Въ предыдущей главѣ мы назначили три мѣсяца для изученія грамоты при Новой Азбукѣ. Эти три мѣсяца тогда растянутся на нѣсколько лѣтъ незамѣтнаго усвоенія грамоты въ самомъ нѣжномъ дѣтскомъ возрастѣ,—тогда каждый семилѣтній ребенокъ будетъ такъ же свободно читать, какъ теперь свободно говоритъ.

ГЛАВА XXI.

Реформа русской азбуки.

Всѣ полезныя открытія и изобрѣтенія, вообще говоря, очень скоро примѣняются къ дѣлу. Чуть только изобрѣли телеграфъ, тотчасъ опутали всю землю телеграфной проволокой; то же на нашихъ глазахъ происходитъ съ телефономъ. Придумаетъ лондонскій механикъ замѣнить въ какой-либо машинѣ три винтика двумя,—тотчасъ и въ Нью-Іоркѣ, и въ Тулѣ, и вездѣ дѣлаютъ эти машины съ двумя винтиками.

Тысячи умовъ придумываютъ способы усовершенствованія и машинъ, и орудій, и породы домашняго скота, и растеній, и живописи, и лампъ, и корсетовъ, и карточной игры, и хлѣбопашества, и тюрьмъ, и счетоводства, и судопроизводства, и чего хотите: поэтому все улучшается, все совершенствуется. Единственное исключеніе составляетъ грамота, объ усовершенствованіи которой никто никогда не думаетъ, считая это празднымъ занятіемъ, ни къ чему не ведущимъ. Въ результатѣ получается удивительное явленіе: открытія науки примѣняются ко всему въ нашей жизни, за исключеніемъ одной только грамоты, безъ которой не существовала бы и наука. Возьмите любую вещицу, которой мы

пользуемся, и въ каждой ея детали вы увидите тонкій умъ, удивительную изобрѣтательность; любая же грамота представляетъ рядъ несообразностей, которыя можетъ замѣтить даже школьникъ. Все, служащее для удовлетворенія нашихъ потребностей, удешевляется, стнановится болѣе и болѣе общедоступнымъ; грамота же у каждаго народа все болѣе и болѣе затрудняется, а потому становится все менѣе и менѣе общедоступной. Тысячу лѣтъ тому назадъ грамота на Руси была безъ сравненія легче теперешней.

Человѣчество почему-то вообразило, будто измѣненіе грамоты не во власти человѣка; при чемъ примѣръ Петра Великаго всѣми игнорируется. Гдѣ причина такого явленія? Съ прискорбіемъ я долженъ заявить, что, кромѣ человѣческаго эгоизма, не можетъ быть другой причины. Грамота—въ рукахъ грамотныхъ; только они могутъ ее измѣнить; но вѣдь лично для нихъ перемѣна грамоты не принесетъ никакой пользы, а посадитъ ихъ вмѣстѣ съ безграмотными за одинъ и тотъ же новый букварь. А кому это можетъ быть пріятнымъ? Эгоизмъ не любитъ открыто показываться на глаза; онъ всегда надѣваетъ какую-нибудь благовидную маску, а безъ маски чрезвычайно застѣнчивъ, даже передъ самимъ собою. Едва ли кто рѣшился бы сказать откровенно: „не слѣдуетъ измѣнять грамоты, потому что мнѣ нѣтъ охоты садиться за букварь.“ Каждый поспѣшилъ бы надѣть ту или другую маску, то есть сталъ бы сочинять разныя фантастическія препятствія.

Потворствуя эгоизму грамотныхъ, профессоръ Буслаевъ говоритъ въ своей знаменитой грамматикѣ: „Къ остаткамъ старины, освященной давностью и преданіемъ, принадлежатъ въ современномъ правописаніи весьма многія правила, напримѣръ, о буквахъ *ъ*, *ѣ*, а частію и о буквѣ *ь*. Основываясь только на преданіи, пишемъ *смотрѣлъ*, а не *смотрелъ*; *читаешь*, а не *читаешъ* или *читаеш*.“ Но если бы профессору Буслаеву предложить на обѣдъ конину, приготовленную посвятославовски подъ сѣдломъ, то онъ навѣрно не сталъ бы ѣсть и сказалъ бы съ отвращеніемъ: „Это кушанье—остатокъ варварства!“ Вообще къ слову „старина“ совершенно произвольно примѣняются эпитеты: „священная“ или „варварская.“ Буква *ѣ* г. Буслаеву кажется священной стариной, а мнѣ она кажется и варварской, и зловредной. Вѣдь и буквы ксп, пси, юсы и пр. тоже представляютъ остатокъ старины, освященной давностью и преданіемъ; однакожъ Великій Преобразователь русской грамоты упразднилъ ихъ. Въ настоящее время ни

г. Буслаеву и никому изъ грамотныхъ не приходитъ въ голову скорбѣть объ уничтоженіи такой священной старины, какъ цѣлыхъ восемь буквъ! Напротивъ, всѣ запротестовали бы противъ введенія въ русскую азбуку уничтоженныхъ буквъ; вводимую старину назвали бы варварской, а не священной.

Неприлично гражданину Россіи, въ которой Петръ Великій былъ царемъ, говорить о священной неприкосновенности буквъ. Эта маска эгоизма не годится: нужно надѣвать другую...

Могутъ говорить и такъ: „вѣдь у насъ имѣются милліоны книгъ на милліоны рублей. Съ принятіемъ Новой Азбуки—всѣ онѣ превратятся въ негодную бумагу; а пока напечатаютъ новыя книги, Россія останется безкнижной. Да и кто сразу напечатаетъ столько книгъ? На какія деньги?“ и прочее въ этомъ родѣ. Однакожъ и это будетъ маскою, потому что все это только страшныя слова; на самомъ же дѣлѣ ничего подобнаго не можетъ случиться.

Введеніе новой грамоты не вышибетъ изъ насъ знанія старой; останемся мы такими же грамотными, какъ и теперь. При томъ вымирать мы будемъ постепенно, а не всѣ сразу; еще и черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ введенія Новой Азбуки останется изъ старограмотныхъ малая толика въ видѣ 60—70-ти лѣтнихъ старцевъ. А пока мы всѣ не умремъ, то будемъ читать старопечатныя книги, какъ и теперь ихъ читаемъ.

Книгопечатаніе въ настоящее время до такой степени стоитъ дешево, что книги печатаются съ такимъ разсчетомъ числа экземпляровъ, чтобы они разошлись скорѣе чѣмъ въ пять лѣтъ. Нужныя книги перепечатываются часто, а ненужная залежь продается на вѣсъ. Читаются и очень старыя сочиненія, да только въ новыхъ изданіяхъ. Первыхъ изданій Жуковскаго, Пушкина, Грибоѣдова, Гоголя никто не читаетъ; да ихъ и нѣтъ нигдѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ центральныхъ книгохранилищъ. Какъ только напечатаютъ новое изданіе какой-нибудь книги, старому грошъ цѣна; оно быстро исчезаетъ изъ употребленія. Пока мы, старограмотники, застигнутые азбучной реформой, всѣ умремъ, то еще успѣемъ раскупить старопечатныя книги, за исключеніемъ тѣхъ, которыя и безъ реформы не нашли бы сбыта; успѣемъ еще и истрепать какъ эти книги, такъ и всѣ тѣ, которыя куплены были бы до введенія новой грамоты. Черезъ тридцать лѣтъ послѣ введенія Новой Азбуки, знаніе старой грамоты сдѣлается без-

полезнымъ для всѣхъ, за исключеніемъ спеціалистовъ по словеснымъ и историческимъ наукамъ, которые будутъ изучать старую грамоту, какъ теперь изучаютъ старинныя рукописи. Они будутъ выуживать изъ старыхъ книгъ все, что окажется годнымъ для напечатанія Новой Азбукой,—какъ и теперь печатаютъ современной азбукой старыя лѣтописи, Слово о полку Игоревѣ и проч. Обыкновенно читаются книги текущаго десятка лѣтъ, очень рѣдко прошлаго, и никѣмъ, кромѣ присяжныхъ словесниковъ, не читаются книги, печатанныя лѣтъ тридцать тому назадъ; да ихъ и въ продажѣ нѣтъ. Для печати даже изобрѣтена особенная бумага, прочность которой принесена въ жертву дешевизнѣ. Употребленіе пергамента теперь было бы совершенно безполезно и очень убыточно.

Введеніе новой грамоты не можетъ причинить ущерба и книжной торговлѣ. Года черезъ три число грамотныхъ увеличится въ громадномъ размѣрѣ; многія книги придется напечатать сотнями тысячъ экземпляровъ, а потому цѣна ихъ сдѣлается вполнѣ доступною каждому бѣдняку. Если въ первый годъ реформы типографіи и книжные магазины получили бы нѣсколько меньше прибыли; то уже на второй годъ, вслѣдствіе громаднаго спроса на книги, они съ лихвой покрыли бы всѣ прежніе недоборы.

Противники азбучной реформы могутъ, пожалуй, и такъ еще разсуждать: „введеніе новой грамоты сразу остановитъ всѣ отправленія общественной и государственной жизни“.... Но и это одни лишь страшныя слова; потому что новую грамоту слѣдуетъ ввести только тогда, когда она будетъ усвоена нужнымъ числомъ лицъ, а для этого потребуется всего лишь мѣсяца три, и никакъ не болѣе полугода, даже для самаго лѣниваго. Съ какой стороны ни смотрѣть на реформу, единственнымъ препятствіемъ къ принятію ея можетъ быть только нежеланіе грамотныхъ сѣсть за букварь; но такъ какъ въ этомъ никто не сознается, поэтому и препятствій къ введенію Новой Азбуки какъ будто и нѣтъ. Но это такъ только кажется; на самомъ же дѣлѣ есть одно неопреодолимое препятствіе, состоящее въ томъ, что въ настоящее время практическое осуществленіе реформы не можетъ состояться, такъ какъ у насъ нѣтъ ни лица, ни учрежденія, вообще нѣтъ власти, которая завѣдывала бы азбукой. И у насъ нѣтъ этой власти, нѣтъ ея и ни въ одномъ государствѣ, и не было никогда. Въ этомъ я вижу величайшую ошибку нашей цевилизаціи,—ошибку, послужившую причиной многихъ бѣдствій человѣчества.

Установленіе азбуки государственнаго языка должно всецѣло принадлежать государству—точно также, какъ установленіе аршина, фунта, рубля и пр.

Азбука хранитъ все наше достояніе: духовное, нравственное, умственное и матерьяльное. Она должна быть священною въ глазахъ всѣхъ гражданъ: безъ разрѣшенія закона никто не долженъ пользоваться правомъ ни прибавлять, ни убавлять въ ней ни единой черточки, ни единой точки. Азбука сохранила намъ Слово Божее, съ помощью азбуки говорятъ съ нами наши цари, безъ азбуки не дошли бы къ намъ слова нашихъ геніевъ—и азбука всецѣло предоставлена теперь на произволъ словолитчикамъ, писарямъ и малярамъ! Я считаю это колосальнымъ недоразумѣніемъ!

Помимо государственной власти не мыслимо облегченіе грамоты; всякое предпріятіе частныхъ лицъ останется безслѣднымъ или будетъ достигать противоположныхъ результатовъ. Катковъ измѣнилъ начертаніе нѣсколькихъ буквъ въ своей типографіи—и у насъ черезъ это прибавилась еще одна азбука. Военно-топографическій отдѣлъ главнаго штаба напечаталъ много картографическихъ изданій, въ которыхъ подписи подѣланы азбукой, сочиненной для этой цѣли издателями; но азбука ихъ дальше не пошла. Были попытки писать безъ *ѣ*—не только въ письмахъ гимназистовъ и гимназистокъ, но и въ печати, напримѣръ, въ такомъ капитальномъ изданіи, какъ „Терапія“ Нимейера въ русскомъ переводѣ; однакожъ эти отдѣльныя попытки ничѣмъ не кончились. Въ послѣднее время Академія Наукъ въ лицѣ г. Грота предложила упразднить *ѵ*; но зловредная буква продолжаетъ здравствовать и до сихъ поръ въ новыхъ букваряхъ, какъ и въ старыхъ.

Но когда Петръ Великій предложилъ свою азбуку,—она тотчасъ вошла во всеобщее употребленіе.

Образецъ азбуки, утвержденной закономъ, долженъ храниться, какъ государственный документъ; копіи же съ него должны быть вывѣшены во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ, во всѣхъ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ для всеобщаго свѣдѣнія и употребленія: въ этомъ должно состоять *установленіе азбуки.*

Государственная власть въ этомъ случаѣ необходима и незамѣнима—какъ гарантія, что всѣ примутъ реформу; при томъ только государственная власть можетъ охранить азбуку отъ дальнѣйшей порчи; внѣ же этой власти азбука будетъ портиться съ каждымъ столѣтіемъ все болѣе и болѣе, какъ это совершается теперь,—и

изученіе грамоты будетъ становиться все труднѣе и труднѣе, какъ это было и до сихъ поръ у всѣхъ историческихъ народовъ, какъ и до настоящаго времени продолжается.

Съ принятіемъ азбуки въ вѣдѣніе государства, всю азбучную реформу можно совершить въ теченіе двухъ, трехъ лѣтъ и даже скорѣе. Порядокъ реформы представляется мнѣ приблизительно въ такомъ видѣ.

Послѣ установленія государственной азбуки, въ правительственныхъ типографіяхъ печатаются Новой Азбукой слѣдующія книги: новый букварь, объясненіе новой грамоты, вся библія на славянскомъ языкѣ, православный молитвословъ, русская хрестоматія и церковнославянскій изборникъ. Всѣ журналы и газеты должны печатать объясненіе Новой Азбуки.

Принявъ во вниманіе, что понять новую грамоту чрезвычайно легко, и въ нѣсколько часовъ можно научиться разбирать слова; но необходимо болѣе продолжительное время для пріобрѣтенія навыка читать и писать: поэтому при введеніи новой грамоты можетъ быть соблюдена нѣкоторая постепенность. На первый разъ Новая Азбука становится обязательной только въ слѣдующихъ случаяхъ: а) на вновь дѣлаемыхъ вывѣскахъ, ярлыкахъ, этикетахъ и вообще на всѣхъ подписяхъ, состоящихъ изъ отдѣльныхъ словъ или коротенькихъ фразъ; б) на памятникахъ, монументахъ и вообще на всѣхъ сооруженіяхъ; в) въ заглавіяхъ книгъ и періодическихъ изданій, а также въ оглавленіяхъ ихъ и въ заглавіяхъ отдѣловъ, частей и главъ; г) во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ употребляются теперь думмшрифты и д) на монетахъ.

Мѣсяца два, три спустя, никто бы не затруднялся, если бы Новая Азбука стала обязательной: а) въ государственныхъ денежныхъ бумагахъ; б) въ газетныхъ объявленіяхъ; в) на всѣхъ вновь печатаемыхъ бланкахъ—государственныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденій и г) на конвертахъ писемъ.

Еще черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Новая Азбука никого не затрудняла бы а) въ газетныхъ телеграммахъ и краткихъ сообщеніяхъ; б) въ афишахъ и в) во всѣхъ вывѣшиваемыхъ на улицахъ объявленіяхъ.

Спустя еще нѣкоторое время, Новая Азбука смѣло можетъ быть объявлена государственною и обязательною для всѣхъ.

Эту постепенность можно растянуть или сократить по усмотрѣнію тѣхъ, кто заправлялъ бы дѣломъ. Церковныя же книги

слѣдовало бы печатать также и кириллицей, пока самъ собою не прекратился бы спросъ на нихъ со стороны лицъ, предпочитавшихъ бы кириллицу Новой Азбукѣ.

Такимъ образомъ вся пишущая и читающая Россія незамѣтно, безъ усилія, обучилась бы новой грамотѣ, а старая грамота еще тише, еще медленнѣе, еще незамѣтнѣе стала бы выходить изъ употребленія. Все это было бы возможно только въ томъ случаѣ, если бы азбука была подчинена государственной власти; оставаясь же свободною, она будетъ становится все труднѣе и труднѣе.

Гдѣ же препятствія къ принятію Новой Азбуки? Я вижу эти препятствія только въ эгоизмѣ нашемъ: для „общаго блага“ мы охотнѣе можемъ заставить нашихъ дѣтей выучить пять или шесть самыхъ трудныхъ азбукъ, нежели сами примемъ на себя трудъ выучить одну самую легкую азбуку, хотя бы этимъ и облегчили дѣтей, внуковъ и отдаленныхъ потомковъ нашихъ отъ безплоднаго, тяжкаго труда. Какъ-то плохо вѣрится въ безкорыстіе нашей любви не только къ человѣчеству, или къ отечеству, но даже и къ роднымъ дѣтямъ и внукамъ: будь у насъ хоть немножко этой безкорыстной любви, мы бы немедленно приняли Новую Азбуку!

ГЛАВА XXII.

Выборъ буквенныхъ начертаній.

Выборъ для Новой Азбуки тѣхъ или иныхъ буквенныхъ начертаній изъ числа существующихъ, или же изобрѣтеніе новыхъ, не имѣетъ существеннаго значенія для изученія отечественной грамоты. Но для международнаго общенія, для сближенія разноязычныхъ народовъ выборъ буквенныхъ начертаній имѣетъ громадное значеніе. Это очень хорошо сознавали и понимали геніальнѣйшіе наши просвѣтители —смиренный инокъ Кириллъ и могущественный царь Петръ I.

Извѣстно, что тысячу лѣтъ тому назадъ греческая азбука была самою распространенною и наиболѣе употребительною; поэтому св. Кириллъ позаимствовалъ отъ грековъ всѣ буквы, какія оказались пригодными для славянскаго языка; только недостающія

онъ взялъ изъ другихъ языковъ или сочинилъ самъ. Св. Кириллъ очень хорошо понималъ, что сходство азбукъ у разныхъ народовъ способствуетъ ихъ сближенiю. Бисмаркъ отстаиваетъ нѣмецкую древнюю азбуку—*готику*: быть можетъ онъ не погрѣшимъ въ политикѣ, но въ данномъ случаѣ гораздо проницательнѣе его тѣ нѣмцы, которые стоятъ за латинскiя начертанiя буквъ...

Нѣсколько столѣтiй послѣ св. Кирилла, область распространенiя греческой азбуки начала быстро уменьшаться; мѣсто ея заступила латинская, которой посчастливилось получить самое широкое распространенiе.

Генiи сходятся: Петръ Великiй, при составленiи русской азбуки, руководствовался той же идеей, что и св. Кирилъ; онъ старался по возможности придать русскимъ буквамъ начертанiя, усвоенныя наиболѣе распространенной въ его время азбукой, то есть латинской. Однакожъ, принимая латинскую азбуку, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ посматривалъ и на кириллицу, чтобы не слишкомъ отступать отъ нея. Если же мы упразднимъ кириллицу, тогда не можетъ оставаться ни малѣйшаго препятствiя къ окончательной замѣнѣ нашихъ буквенныхъ начертанiй латинскими. Черезъ это русская грамота не сдѣлалась бы ни легче, ни труднѣе для русскаго человѣка; но за то для насъ облегчилось бы изученiе всѣхъ иностранныхъ языковъ, принявшихъ латинскую азбуку.

Для русскаго ребенка, начинающаго обучаться иностраннымъ языкамъ, путаница и сбивчивость различнаго чтенiя тожественныхъ начертанiй представляетъ огромное затрудненiе. Такъ напримѣръ: наши скорописныя буквы *т*, *р*, *ч*, *с* читаются въ латинскомъ языкѣ, какъ наши *м*, *п*, *р*, *ц*. Латинское слово *res*, написанное въ тетради, производитъ на *зрѣнiе* нашего ученика впечатлѣнiе русскихъ буквъ „чез,“ а на *слухъ* такое впечатлѣнiе, какъ русскiя буквы „рес,“ которыя полатини читаются, какъ наше *пэкъ*: выходитъ такая путаница звуковъ и буквъ, въ которой очень и очень трудно разобраться десятилѣтнему ребенку!

Латинское слово r e s гораздо скорѣе было бы нами усвоено, если бы тожественные звуки изображались тожественными начертанiями и въ русской, и въ латинской азбукахъ. Припомните при этомъ, что въ школѣ слова заучиваются по тетради или по книгѣ, то есть больше съ помощью зрѣнiя, нежели слуха. Каждое иностранное слово теперь заучивается нашими дѣтьми какъ бы

вдвойнѣ: усвоенiе зрѣнiемъ происходитъ независимо отъ усвоенiя слухомъ. Въ той гимназiи, гдѣ я обучался, разсказывали такой анегдотъ. Сидитъ новичекъ, сельскiй хохликъ, и зубритъ: „рече отецъ, тече мать, рече отецъ, тече мать.“ Оказалось, что онъ зубрилъ по тетрадкѣ французскiя слова: *père, mère,* читая французскiя буквы, какъ русскiя.—Французское *mama* порусски —тата.

Двадцать пять буквъ Новой Азбуки относительно ихъ сходства съ латинскими распредѣляются на три группы.

1) *Шесть* буквъ, *а, д, е, к, м, о*—тожественны съ латинскими и по начертанiю и по произношенiю; всѣ онѣ должны оставаться безъ измѣненiя.

2) *Девять* латинскихъ начертанiй присвоены у насъ инымъ звукамъ: *в, и, п, р, с, т. у, х, ч;* онѣ составляютъ огромное затрудненiе при изученiи иностранныхъ языковъ въ русской школѣ. Для выражаемыхъ ими звуковъ я ввелъ бы латинскiя начертанiя: *v, y, p, r, s, t, u, ch.* При этомъ начертанiе *ch* (вмѣсто нашего х) считать за *одну* букву. Для русскаго звука *ч* нѣтъ въ латинскомъ языкѣ буквы; поэтому я ввелъ бы новое начертанiе: я предложилъ бы *6,* чтобы родственные звуки *с (=ц)* и *6 (=ч)* имѣли соотвѣтственныя начертанiя (какъ *и—v, у—j*).

3) *Десять* буквъ имѣютъ самостоятельныя начертанiя: *б, г, ж, з, л, н, ф, ц, ш, й;* изъ нихъ три буквы: *ж, л, ш* оставить безъ измѣненiя, такъ какъ ими выражаются звуки, чуждые латинскому языку; остальныя семь я замѣнилъ бы латинскими буквами: *b, g, z, n, f, c, j* съ основнымъ ихъ латинскимъ произношенiемъ.

Приведу нѣсколько соображенiй о латинской буквѣ *y.* Въ латинскомъ алфавитѣ, скупомъ относительно числа буквъ, она представляется совершенно безполезной, такъ какъ по произношенiю тожественна буквѣ *i.*

Очевидно, что древнее произношенiе обѣихъ не соотвѣтствовало теперешнему, и мы попробуемъ возстановить его по разнымъ соображенiямъ. Прежде всего мое вниманiе останавливается на точкѣ надъ буквою *i*—единственномъ надстрочномъ знакѣ въ латинской азбукѣ (буква j видоизмѣненiе ея): откуда онъ взялся здѣсь? Какое его первоначальное значенiе? Буква *i* отличается

отъ всѣхъ остальныхъ буквъ (исключая *у*) тѣмъ, что стоящія передъ нею согласныя всегда смягчаются. Мы говорили уже о древнѣйшемъ употребленіи надстрочныхъ знаковъ для обозначенія смягченія; такое же значеніе точки было, я полагаю, и надъ буквой *i*. Надъ буквой *у* нѣтъ смягчающаго знака; для меня очевидно, что въ древности передъ *у* согласныя не смягчались. Но когда латинскій языкъ сдѣлался мертвымъ, первоначальное значеніе буквы *у* утерялось; она сдѣлалась такою же безпріютною, какъ и наша *ижица*. Указанное значеніе *у* сохранилось только у тѣхъ славянскихъ племенъ, которыя употребляютъ латинскую азбуку; у нихъ она замѣняетъ наше *ы*.

На основаніи этихъ данныхъ, для Новой Русской Азбуки я бы принялъ латинскую букву *у* вмѣсто теперешнихъ *ы*=*и*=*i*, а вмѣсто теперешней буквы *й* латинскую j, но безъ надстрочнаго знака, который въ этомъ случаѣ не имѣетъ никакого смысла.

Знаете ли, читатель, сколько нашъ ученикъ обязанъ одолѣть разныхъ азбукъ, чтобы удостоиться перевода въ четвертый классъ классической гимназіи? Попробуйте сосчитать; но не забывайте, что и скорописная и печатная азбука, каждая состоитъ еще изъ двухъ—прописной и строчной.

До поступленія въ гимназію мальчикъ долженъ знать *шесть* азбукъ: четыре русскихъ и двѣ церковно-славянскихъ (въ русской азбукѣ буквъ въ полтора раза болѣе, чѣмъ въ латинской, а въ славянской—почти въ два раза).

Въ первомъ и во второмъ классахъ гимназій прибавляется еще *девять* азбукъ: четыре латинскихъ, четыре нѣмецкихъ и одна французская (послѣдняя имѣетъ латинскія начертанія, а собственное произношеніе, потому и считается нами за одну).

Въ третьемъ классѣ учатъ еще *пять* азбукъ: четыре греческихъ и одну древне-славянскую.

Итого *двадцать* азбукъ! Двадцать азбукъ для тринадцати—четырнадцатилѣтняго мальчика! Такъ вотъ гдѣ кроется главная трудность гимназій и важнѣйшая причина переутомленія учащихся!

Если бы искони вѣковъ азбука была подчинена государственной власти—ничего подобнаго не случилоось бы. Исторія грамоты совершается по закону, прямо противуположному теоріи Дарвина:

могущественнѣйшее орудіе развитія человѣчества, *азбука*, предоставленная полнѣйшей свободѣ, не только не совершенствуется, а постепенно и неизмѣнно портится. Подчините азбуку государственной власти, и вся наша государственная, общественная, семейная и чисто личная жизнь улучшится, усовершенствуется вслѣдствіе облегченія грамоты. Но пока это совершится, мнѣ лично остается только мечтать о томъ, какія перемѣны произошли бы въ нашей жизни, если бы предлагаемая мною азбучная реформа была принята.

ГЛАВА XXIII.

Значеніе Новой Азбуки.

Вообразимъ, что реформа грамоты уже совершена окончательно и безповоротно,—что Новая Азбука употребляется по всей Россіи: какія произошли бы черезъ это неизбѣжныя слѣдствія?

Начнемъ съ дѣтскаго возраста, такъ какъ въ этомъ возрастѣ обыковенно учатся грамотѣ.

Ребенокъ рано знакомится съ окружающимъ его міромъ предметовъ и явленій. Каждый отдѣльный предметъ (*папа, мама*) или группа похожихъ словъ-предметовъ (*кошка, лошадь*) имѣютъ свое имя, съ помощью котораго ребенокъ запоминаетъ эти предметы. Усвоеніе словъ вмѣстѣ съ представленіями и понятіями происходитъ легко и свободно, какъ бы само собою. Теперешняя же азбука представляетъ въ этомъ отношеніи нѣчто особенное, исключительное; въ ней совершенно различныя каракульки носятъ одно и то же названіе: *А*, А, *а*, а. Вслѣдствіе этого, въ какомъ бы возрастѣ ни принимались за изученіе ея, дѣти или взрослые,—обиліе буквенныхъ начертаній для одной и той же буквы всегда будетъ производить въ головѣ путаницу. Новая же Азбука ничего подобнаго не представляетъ: въ ней *каждая каракулька имѣетъ свое отдѣльное названіе*. Усвоеніе ея ребенкомъ можетъ произойти по тому же процессу, по которому происходитъ усвоеніе и всякихъ иныхъ названій предметовъ—даже на второмъ году—легко, свободно, какъ бы само собою. Обученіе складыванію словъ при теперешней несовершенной грамотѣ, съ ея противорѣчіями, не можетъ не вредить развитію пріемовъ правильнаго мышленія ребенка;

обученіе же новой грамотѣ будетъ помогать умственному развитію вслѣдствіе полной логичности и послѣдовательности азбуки.

Научившись разбирать слова по Новой Азбукѣ, какой-нибудь пятилѣтній мальчикъ обогатитъ свой умъ такимъ великолѣпнымъ обобщеніемъ, какъ возможность выразить безконечное разнообразіе русскихъ и церковно-славянскихъ словъ посредствомъ двадцати шести буквенныхъ знаковъ.

Изученіе шести теперешнихъ много-буквенныхъ азбукъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ можетъ нагнать хандру и повергнуть въ уныніе даже взрослаго, привыкшаго коптѣть надъ книгой въ то время, когда на дворѣ солнышко блещетъ, и мотыльки летаютъ, и птички щебечутъ, и цвѣточки умываются росой. Но вы представьте дѣтей за этой работой, не дающей ни малѣйшей пищи ни уму, ни сердцу! По этому поводу можно написать очень много страницъ, и назидательныхъ, и чувствительныхъ; но я удерживаюсь.

За тѣмъ остаются еще безконечныя упражненія въ механизмѣ чтенія,—они убиваютъ въ дѣтяхъ энергію, пытливость; съ принятіемъ же Новой Азбуки навыкъ плавнаго чтенія будетъ получаться легко, какъ бы самъ собою.

Принятіе Новой Азбуки должно имѣть неисчислимыя послѣдствія въ *этомъ* отношеніи. Самый опытный педагогъ, самый ученый психологъ не можетъ точно указать всѣхъ послѣдствій; не подлежитъ сомнѣнію, что послѣдствія эти отразятся на дѣтяхъ въ высшей степени благотворно—и въ умственномъ, и въ нравственномъ, и въ физическомъ, и во всѣхъ отношеніяхъ. Логика дѣтей не будетъ тогда затуманена нелогичностями азбуки, память не будетъ обременена сотнями каракулекъ, присущая дѣтямъ любознательность не будетъ подавлена скучнѣйшими упражненіями для пріобрѣтенія навыка чтенія; слѣдовательно дѣти будутъ тогда воспріимчивѣе къ пріобрѣтенію знаній. Теперь начинаютъ давать дѣтямъ заучивать уроки по книгѣ чаще всего на девятомъ году; каждый помнитъ, какая это скучная и трудная работа. Ребенокъ нѣсколько разъ прочтетъ крошечный урокъ, и у него ничего не останется въ памяти; потому что, какъ это было объяснено выше, вниманіе и умъ его въ большей или меньшей степени поглощены процессомъ чтенія. Попробуйте выучить стихотвореніе, написанное невполнѣ усвоенною вами азбукой, хотя бы кириллицей,—и оно покажется вамъ труднѣе. Грамотный скорѣе выучитъ урокъ,

если самъ его читаетъ; а полуграмотный—если другіе ему читаютъ. Съ пріобрѣтеніемъ навыка чтенія, заучиваніе уроковъ идетъ не только быстрѣе, но и съ большей энергіей, съ большей охотой, а это въ высшей степени важно. Со словъ матери четырехлѣтній ребенокъ легко заучиваетъ даже славянскія молитвы, а самъ собою перенимаетъ дѣтскія пѣсни. Трудность заучиванія *по книгѣ* лежитъ не въ природѣ ребенка, а въ его неумѣньи свободно читать. Какъ только пріобрѣтенъ навыкъ чтенія, ребенокъ съ успѣхомъ и безъ принужденія будетъ заучивать маленькіе уроки по книгѣ: молитвы, стихотворенія, географическія названія. Съ принятіемъ Новой Азбуки дѣти чрезвычайно рано пріобрѣтутъ навыкъ чтенія, а потому начнутъ учить уроки по книгѣ гораздо раньше теперешнихъ дѣтей и при томъ съ гораздо большимъ успѣхомъ и съ меньшимъ утомленіемъ. Мы и приблизительно не можемъ сказать, насколько тогда увеличился бы запасъ знаній у десятилѣтняго ребенка сравнительно съ теперешними дѣтьми.—Извѣстно, что дѣти любятъ слушать сказки. Каждому приходилось видѣть, какъ четырехлѣтній шалунъ сидитъ неподвижно и *слушаетъ*, когда мама разсказываетъ или читаетъ сказку. Если же дѣти, даже въ интеллигентныхъ семействахъ, сравнительно поздно приступаютъ къ самостоятельному *чтенію*,—такъ въ этомъ одна только причина: неумѣнье читать; читать безъ навыка и скучнѣе, и утомительнѣе, чѣмъ слушать разсказъ изъ устъ папки. Чуть ребенокъ одолѣетъ механизмъ чтенія, онъ немедленно приступаетъ къ самостоятельному чтенію. Новая Азбука сдѣлаетъ ребенка грамотнымъ очень рано; быть можетъ тогда и шестилѣтнія дѣти не станутъ такъ скучать въ непастные дни, а будутъ чинно сидѣть надъ излюбленной сказкой Пушкина.

Принявши все это во вниманіе, постарайтесь вообразить десятилѣтняго ребенка при новой грамотѣ: очевидно, что онъ будетъ во всѣхъ отношеніяхъ выше теперешняго десятилѣтняго ребенка. Но изъ дѣтей дѣлаются взрослые, а впечатлѣнія дѣтства остаются на всю жизнь: поэтому и взрослые съ принятіемъ Новой Азбуки сдѣлаются совершеннѣе.

Начальная трехлѣтняя школа напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы научить читать и писать; однакожъ не успѣваетъ! При Новой же Азбукѣ для одинадцатилѣтняго ребенка будетъ съ избыткомъ достаточно и одной зимы, чтобы хорошо усвоить все, положенное по программѣ народной школы; потому что тогда будутъ посту-

пать въ школу болѣе грамотными, нежели теперь оканчиваютъ ее. Для прохожденія дополнительнаго курса народныхъ двухклассныхъ училищъ достаточно будетъ и одного года. Вообще при Новой Азбукѣ курсъ всѣхъ учебныхъ заведеній сдѣлается значительно легче.

Даже классическія гимназіи перестанутъ быть страшными и при нынѣшней программѣ, единственно вслѣдствіе уменьшенія числа буквенныхъ начертаній. Поступающія въ гимназію дѣти будутъ вполнѣ владѣть механизмомъ чтенія порусски, а потому заучиваніе *всѣхъ* уроковъ станетъ легче. Нынѣшняя безсмысленная школьная русская грамматика будетъ замѣнена новой, основанной на наукѣ и здравомъ смыслѣ, а потому меньше потребуется труда для ея изученія. Время, употребляемое на заучиваніе словъ съ буквой *ѣ* и на другія прелести современнаго правописанія, будетъ употреблено учениками на что-нибудь болѣе разумное и полезное. Различное чтеніе однѣхъ и тѣхъ же буквъ въ нашей и въ иностранныхъ грамотахъ перестанетъ путать и сбивать ученика при изученіи языковъ латинскаго, французскаго, нѣмецкаго. Латинская скорописная азбука будетъ уже знакома изъ русской грамоты,— значитъ, не придется изучать ее. Такимъ образомъ усвоеніе гимназической программы сдѣлается доступнымъ безъ сравненія большему числу учащихся. Россія избавится тогда отъ цѣлыхъ полчищъ недоучившихся классиковъ, которые теперь безъ занятій болтаются по свѣту.

При Новой Азбукѣ и взрослые поумнѣютъ: тогда всѣ поймутъ, что форма буквенныхъ начертаній не имѣетъ ни малѣйшей связи съ языкомъ, и что развивающая сила заключается въ изученіи языка, а не буквенныхъ каракулекъ.

Древне-славянскую христоматію тогда напечатаютъ Новой Азбукой съ прибавленіемъ лишь недостающихъ буквъ (понятно, исключивъ титлы и безполезныя: *кси*, *пси* и пр.); такимъ способомъ печатаютъ теперь древне-славянскія цитаты и въ самыхъ ученыхъ филологическихъ сочиненіяхъ; ученики будутъ знать меньше буквенныхъ начертаній, но за то лучше усвоятъ древне-славянскій языкъ. Дни нѣмецкой готики сочтены; уже и теперь нѣкоторые нѣмцы стали печатать свои книги латинскими буквами; число такихъ книгъ постоянно увеличивается. Если же въ русскихъ школахъ нѣмецкая готика будетъ замѣнена латинской азбукой,—

то упраздненіе готики ускорится и у нѣмцевъ. Изученіе нѣмецкаго языка въ нашихъ гимназіяхъ по знакомой латинской азбукѣ значительно облегчится. Россія такъ необъятна, а греческая литература такъ не объемиста, поэтому всю ее напечатають тогда русскими (то есть теперешними латинскими скорописными) буквами съ прибавленіемъ нѣсколькихъ недостающихъ. Такимъ образомъ упразднится девять азбукъ: четыре нѣмецкихъ, четыре греческихъ и одна древне-славянская. Тогда и нѣмецкая, и греческая, и древне-славянская рѣчь, изображенныя вполнѣ усвоенной азбукой, будутъ усваиваться гораздо скорѣе и легче. Тѣ весьма немногіе, кому понадобится знаніе упраздненныхъ въ школѣ буквенныхъ начертаній, выучать ихъ впослѣдствіи. Цѣль гимназіи—всестороннее развитіе учащихся; заучиваніе же безконечнаго разнообразія буквенныхъ начертаній можетъ имѣть развѣ обратное значеніе.

Съ принятіемъ Новой Азбуки грамотный перестанетъ воображать себя чѣмъ-то особеннымъ, имѣющимъ право на сладкій пирогъ за легкій трудъ; потому что тогда всѣ сдѣлаются грамотными. Грамотный мужикъ перестанетъ изъ кожи лѣзть, чтобы надѣть пиджакъ. Не только городъ. но и захолустная деревня сдѣлается вполнѣ грамотною. На досугѣ мужики будутъ читать книги, какъ и мы теперь; болѣе любознательные прочтутъ что-нибудь посерьезнѣе, а остальные ограничатся беллетристикой,— какъ и у насъ теперь. Болѣе талантливые будутъ слѣдить по популярнымъ журналамъ за движеніемъ общечеловѣческой мысли, которую будутъ проводить и въ родномъ селѣ. Изъ среды мужиковъ явятся тогда и талантливые писатели, которые снимутъ съ столичнаго барина смѣшную обязанность писать книги для мужиковъ, которыхъ онъ вовсе не знаетъ. Сельскій священникъ не будетъ чувствовать себя одинокимъ; ему лестно будетъ стоять на высотѣ своего призванія, потому что его будутъ понимать и цѣнить. Тогда помѣщикъ будетъ бесѣдовать съ батраками о раціональномъ хозяйствѣ и о метеорологіи; а помѣщица съ горничной —о Пушкинѣ и Гете, Лермонтовѣ и Шиллерѣ, и онѣ поймутъ другъ друга. Тогда у помѣщика и у мужика будетъ меньше желанія убѣжать изъ села въ большой городъ. Черезъ бездну, отдѣляющую сиволапаго мужика отъ интеллигентнаго барина, положенъ будетъ прочный мостъ изъ Новой Азбуки. Превыспренныя идеи, создан-

ныя барской цивилизаціей, проникнутъ въ среду мужиковъ,—и кто знаетъ, какую они тамъ встрѣтятъ критику? Тайна мужичьей мудрости, накопляющейся съ незапамятныхъ временъ, сдѣлается доступною всѣмъ черезъ мужиковъ-писателей.

При нынѣшней азбукѣ рознь между духовною жизнью мужика и барина постоянно усиливается. Много скорбныхъ страницъ написано по этому поводу нашими лучшими людьми: кому онѣ не извѣстны? Въ допетровское время міровоззрѣніе и духовная жизнь именитаго боярина и послѣдняго его холуя представляли больше общаго, нежели теперь міровоззрѣніе и духовная жизнь безграмотнаго мужика и его образованнаго сына. При Новой же Азбукѣ эта рознь начнетъ ослабѣвать съ каждымъ годомъ.

Таланты и геніи могутъ проявиться не прежде, какъ научившись грамотѣ; поэтому-то такъ ничтоженъ процентъ ихъ изъ низшихъ классовъ и сословій. Тогда же всѣ будутъ грамотными, а потому число талантовъ и геніевъ увеличится, и при томъ равномѣрно изъ всѣхъ слоевъ населенія. При крайней дешевизнѣ книгъ вслѣдствіе огромнаго спроса, геніальные люди будутъ бесѣдовать не съ тысячами, какъ теперь, а съ милліонами. Каждая идея, каждое открытіе будутъ получать всеобщую извѣстность и сознательное примѣненіе.

Жизнь рѣшительно всѣхъ измѣнится во всѣхъ отношеніяхъ. У меня не хватитъ тварчества, чтобы поднять завѣсу будущаго и нарисовать полную картину...Я ограничусь только нѣсколькими указаніями политическаго и государственнаго значенія.

Лучшія русскія земли на западѣ Россіи переходятъ въ руки грамотныхъ нѣмцевъ, а безграмотные аборигены уходятъ въ какія-то невѣдомыя страны... Дайте Русскому мужику Новую Азбуку, и тогда еще посмотримъ: чья возьметъ?

Евреи всѣ грамотны съ незапамятныхъ временъ. Въ этомъ ихъ сила—каждаго порознь и всѣхъ въ совокупности; поэтому въ средѣ ихъ нѣтъ той духовной розни, которая разъѣдаетъ остальные народы. У нихъ есть нищіе, но нѣтъ мужиковъ. Въ устахъ жида слово „мужикъ“ звучитъ глубочайшимъ презрѣніемъ. Еврейство—это бичъ Божій на безграмотныхъ, которыхъ оно счи-

таетъ своими батраками. Оттого-то евреи такъ и льнутъ въ безграмотную Россію. Съ принятіемъ же Новой Азбуки русскій мужикъ сдѣлается вполнѣ грамотнымъ; тогда и еврейскій вопросъ разрѣшится для насъ самъ собою: масса факторовъ и ростовщиковъ отхлынетъ въ страны, менѣе грамотныя, а оставшіеся превратятся въ безобидныхъ тружениковъ.

Съ принятіемъ Новой Азбуки русская грамота сдѣлается самою легкою въ мірѣ. Населяющіе Россію иноязычныя племена станутъ усваивать ее безъ всякаго внѣшняго давленія, по собственной охотѣ,—а научившись русской грамотѣ, они легко усвоятъ и русскій языкъ. Русское печатное слово произведетъ трудно вообразимое теперь духовное единеніе всѣхъ живущихъ въ безпредѣльной Россіи. Мудрость, геній каждаго племени станутъ свободно вливаться въ общерусскую литературу: даже имя иного племени можетъ впослѣдствіи исчезнуть, но душа его останется въ русскомъ словѣ.

Въ нашей начальной школѣ изучается гораздо больше буквъ, нежели въ любой изъ западно-европейскихъ; въ нашей гимназіи то же самое: поэтому какъ на пути высшаго образованія, такъ и относительно простой грамотности, мы не только не можемъ догнать западную Европу, но съ каждымъ годомъ должны отставать отъ нея все больше и больше. Съ принятіемъ же Новой Азбуки, черезъ какихъ-нибудь пять лѣтъ, мы далеко обгонимъ своихъ учителей въ грамотности, а лѣтъ черезъ пятнадцать можемъ сравняться съ ними и относительно высшаго образованія.

Ни одинъ народъ, вѣроятно, не обладаетъ такою страстью къ буквамъ и къ азбукамъ, какъ славяне. Каждое славянское племя, даже крошечное, имѣетъ собственную азбуку, а иныя и по нѣскольку. У малороссовъ (въ Галиціи и въ Россіи) чуть ли не столько же азбукъ, сколько и выдающихся литераторовъ. Понятно, что эта буквенная манія постепенно отодвигаетъ славянъ на пути просвѣщенія все дальше и дальше отъ остальныхъ народовъ. (Пристрастіе нѣмцевъ къ своей готикѣ я готовъ объяснить тѣмъ, что въ жилахъ ихъ очень много славянской крови). Русскіе писатели не разъ предлагали католическимъ славянамъ,

употребляющимъ разныя измѣненія латинской азбуки, принять русскую грамоту. Тѣ въ отвѣтъ подтрунивали надъ нашими *ѣ, ъ, ѵ* и пр.—заявляя при этомъ, что латинскія буквы сближаютъ ихъ со всѣми образованными народами, а русскія—только съ Россіей. Съ принятіемъ же нами Новой Азбуки и остальныя славянскія племена должны сдѣлать тоже самое, то есть принять нашу азбуку, или же всенародно росписаться въ собственной безнадежной глупости.

Всѣ элементарные звуки русскаго языка свойственны всѣмъ безъ исключенія славянскимъ языкамъ; каждое же изъ остальныхъ славянскихъ племенъ имѣетъ еще по нѣсколько звуковъ собственныхъ, неимѣющихся въ русскомъ языкѣ. Поэтому каждое племя, принявъ русскую азбуку цѣликомъ, прибавитъ къ ней нѣсколько буквъ для своихъ отличительныхъ звуковъ. Русская письменность сдѣлается вполнѣ доступною всѣмъ славянамъ; они не встрѣтятъ въ ней ни одной новой для себя буквы, поэтому русскій языкъ и съ этой стороны будетъ имѣть наиболѣе шансовъ на то, чтобы сдѣлаться общеславянскимъ.

Духовному единенію славянъ не столько мѣшаетъ различіе языковъ, сколько различіе азбукъ. Приведу примѣры. Я знаю малорусскій языкъ въ совершенствѣ, и чувствую къ нему большую нѣжность. Но если мнѣ случится долго не читать помалорусски и потомъ попадется малорусская книга съ буквой *и* вмѣсто *ы*,—книга читается съ запинками, содержаніе ея какъ-то слабѣе проникаетъ въ умъ и сердце, и я не разъ бросалъ книгу, проклиная всеславянскую страсть къ собственнымъ азбукамъ. Коренные великороссы, переселившись въ Польшу, гораздо скорѣе усваиваютъ польскій языкъ, нежели польскую грамоту. То же самое мы видимъ и на грамотныхъ чехахъ, поселившихся въ юго-западной Россіи; всѣ они болѣе или менѣе умѣютъ говорить порусски, но никто изъ нихъ не читаетъ русскихъ книгъ. Только съ принятіемъ Новой Азбуки всѣ славяне поймутъ и почувствуютъ свое родство...

Англичане тщеславятся тѣмъ, что разносятъ по всей землѣ европейскую цивилизацію, то есть предлагаютъ всѣмъ свою тарабарскую грамоту—разумѣется, безъ малѣйшаго успѣха. Россія же предложитъ порубежнымъ азіятамъ свою Новую Азбуку, и самыя

дикія племена поймутъ ее, примутъ для своего языка и сдѣлаются грамотными.

Поймутъ и оцѣнятъ громадное значеніе Новой Азбуки и всѣ цивилизованные народы. Чтобы не остаться далеко сзади Россіи, они *обязаны* будутъ принять Новую Азбуку, примѣнивъ ее къ своимъ языкамъ. Будетъ одна азбука у всѣхъ народовъ Европы— и у славянскихъ, и у романскихъ, и у нѣмецкихъ. Развѣ какойнибудь отсталый бисмарковецъ, въ жилахъ котораго много славянской крови, долго еще будетъ писать готикой письма къ дѣтямъ о неблагодарности молодого поколѣнія. Между тѣмъ европейскіе народы принесутъ Новую Азбуку и чернымъ, и желтымъ, и коричневымъ, и краснымъ народамъ; Новую Азбуку усвоятъ всѣ народы, всѣ племена, умѣющіе говорить членораздѣльными звуками и обладающіе смысломъ нашего четырехлѣтняго ребенка. Тогда сдѣлаются всѣ люди грамотными, а всѣ народы—историческими.

Грамота создала и государства, и цивилизацію: ни то, ни другое не мыслимы безъ грамоты. Не случайно начало Россіи и изобрѣтеніе кириллицы отнесены къ одному и тому же 862 году. Отнимите грамоту отъ человѣчества, и что станется съ нимъ? Облагодѣтельствовавъ человѣчество въ этомъ отношеніи, грамота въ другомъ отношеніи причинила много бѣдъ: она создала великую рознь въ исторической жизни народовъ, раздѣливъ ихъ на народы грамотные (историческіе) и безграмотные (первобытные или дикіе); она создала рознь и въ средѣ каждаго цивилизованнаго государства, раздѣливъ гражданъ его на грамотныхъ и безграмотныхъ. Такимъ образомъ явились два противуположныя теченія въ международной жизни человѣчества и, независимо того, противуположныя теченія во внутренней жизни каждаго государства; произошли водовороты.

Безъ грамоты немыслимы были бы брамины и паріи,—тѣ и другіе въ разное время подъ разными именами у различныхъ народовъ; даже европейская современная борьба труда съ капиталомъ представилась бы совершенно въ иномъ видѣ, если бы вдругъ исчезла грамота, или если бы всѣ стали вполнѣ грамотными. Брамины, захвативъ въ свои руки грамоту, ревниво охраняли ее отъ паріевъ. Быть можетъ Прометей не огонь похитилъ у Зевса,

а узналъ отъ тогдашнихъ браминовъ тайну грамоты и открылъ ее паріямъ своей земли.

Но времена перемѣнились: теперь всѣ, власть и силу имѣющіе, употребляютъ много старанія, чтобы сообщить грамоту всѣмъ, рѣшительно всѣмъ; нѣмцы выдумали даже обязательное обученіе (хотя въ то же время и берегутъ свою готику)...Такимъ образомъ грамота теперь не просто предлагается алчущимъ, а насильно запихивается въ глотку. Но увы! не каждый можетъ проглотить это обильнобуквенное яствіе! Нужно имѣть много досуга, чтобы одолѣть теперешнюю грамоту; только люди болѣе или менѣе состоятельные могутъ имѣть этотъ досугъ. Бѣднякъ же, какъ и древній парій, долженъ коснѣть въ безграмотности, — хотя современному бѣдняку никто не воспрещаетъ учиться, какъ не воспрещаетъ ѣсть ежедневно бифштексы. Но это будетъ только до тѣхъ поръ, пока Новая Азбука не войдетъ во всеобщее употребленіе.

Безграмотные теперь народы сдѣлаются тогда грамотными, и каждый народъ, каждое племя, по мѣрѣ силъ, заведутъ свою литературу: старцы запишутъ преданія, миѳы, легенды, пѣсни, а все это имѣется и у самыхъ дикихъ племенъ. Такъ началась и роскошная греческая литература.

Въ образованныхъ же государствахъ навсегда исчезнутъ такъ называемыя темныя массы; онѣ сдѣлаются интеллигентными.

Тогда начнется небывалое единеніе всего человѣчества. Слова геніальнѣйшихъ людей будутъ проникать въ душу всѣхъ людей, всего человѣчества, а не ничтожнаго по количеству слоя общества. Начнется новая жизнь, настанетъ новая исторія—*исторія человѣчества*.

Будущій историкъ раздѣлитъ ее на три періода.

Первобытное время—до изобрѣтенія письменности: всѣ безграмотны.

Переходное время—съ появленіемъ письменности: грамотой владѣютъ только нѣкоторые классы, и при томъ не у всѣхъ народовъ, а лишь у нѣкоторыхъ.

Историческое время—съ изданіемъ перваго указа о подчиненіи азбуки государству: грамота дѣлается всеобщимъ достояніемъ и народовъ и лицъ.

Таковы, въ общихъ чертахъ, неизбѣжныя слѣдствія принятія Новой Азбуки.

Никакая творческая сила теперешняго человѣка не въ состо-

яніи дать полную, обстоятельную картину того, что будетъ тогда —лѣтъ черезъ сто послѣ введенія Новой Азбуки; потому что *вся* жизнь *всего* человѣчества измѣнится въ самомъ основаніи, измѣнится отъ корня до верхушки. Исторія прошлаго не даетъ намъ указанія на то, что будетъ тогда; потому что ничего подобнаго и не было. Даже препрославленная жизнь древней Греціи не могла развиться до такой степени; потому что это была крошечная Греція, а не все человѣчество,—потому что она была окружена безграмотными варварами, отъ которыхъ ничему доброму поучаться не могла,—потому что ей неизвѣстны были ни дешевая бумага, ни скорописное стальное перо, ни скоропечатная машина.

Я имѣю полное основаніе думать, что самый блестящій періодъ древней Греціи былъ въ то время, когда ея абзука была наиболѣе раціональною,— и что упадокъ ея начался съ того времени, когда, вслѣдствіе развитія языка, прежняя азбука становилась все болѣе и болѣе трудной. Теперешняя греческая азбука нисколько не раціональнѣе остальныхъ европейскихъ азбукъ. Пусть историки остановятъ свое вниманіе и на этомъ обстоятельствѣ при объясненіи удивительной метаморфозы съ цѣлымъ народомъ: какъ это геніальные эллины превратились въ современныхъ грековъ?

ГЛАВА XXIV.

Заключеніе.

Какъ я ни обрѣзывалъ „скучныя разсужденія“,—а сочиненіе вышло все-таки и длиннымъ, и утомительнымъ для случайнаго читателя, на какого только и въ правѣ разсчитывать неизвѣстный авторъ ученаго изслѣдованія азбуки. Между тѣмъ мнѣ такъ хочется сказать еще нѣсколько словъ чисто личнаго свойства, что я рѣшаюсь просить у читателя немножко вниманія и для этой главы.

На судъ читателя предложенъ плодъ многолѣтней умственной работы: когда у автора зародилась первоначальная ея мысль— „его ланиты пухъ первый нѣжно оттѣнялъ“; когда же мысль эта получила окончательное развитіе—„его чело почтенныя сѣдины украшали.“ Полагаю, что любой дуракъ, размышляя объ одномъ и томъ же предметѣ столько лѣтъ, додумается до чего-нибудь

дѣльнаго, если только не сойдетъ съ ума. Пусть читатель и соображаетъ...

Идея Новой Азбуки срослась со всѣмъ существомъ моимъ.

Это болѣе чѣмъ плоть и кровь моя; это частица души моей! Но человѣку не дано власти надъ душою; поэтому я не могу произвольно произвести въ этой идеѣ ни малѣйшаго измѣненія, ни сузить, ни расширить ее. Я предлагаю ее читателю въ томъ видѣ, въ какомъ она представляется мнѣ самому,—хотя и опасаюсь упрека въ самомнѣніи, въ нахальствѣ, даже въ дерзости. Пусть читатель постарается видѣть во мнѣ не нахала, а убѣжденнаго человѣка. Если бы читатель нашелъ, что я въ чемъ-нибудь не правъ, то это должно означать, что у меня и у читателя процессы мышленія совершаются различно. Заподозрить же меня въ неискренности нѣтъ никакого основанія. Винить человѣка за его убѣжденія нельзя: наши убѣжденія, наши идеи отъ насъ не зависятъ.

Зародышъ идеи самъ западаетъ въ умъ человѣка, разростается, пускаетъ корни во всѣ фибры души, овладѣваетъ всѣми помыслами, подчиняетъ себѣ всѣ силы, всѣ хотѣнія,—и человѣкъ не властенъ противиться. Точно такъ же зерно, брошенное въ землю, само развивается, растетъ, само сосетъ изъ почвы нужное ему питаніе, и выростаетъ въ такое, а не въ иное растеніе.

Зародышъ моей идеи пришелъ ко мнѣ откуда-то извнѣ,—я и не догадывался, во что именно онъ выростетъ. Но я постоянно чувствовалъ, какъ идея росла, развивалась, все болѣе и болѣе овладѣвая всѣмъ моимъ духовнымъ существомъ. Когда же наконецъ она вполнѣ развилась, я былъ подавленъ ея величіемъ, я былъ ослѣпленъ яркимъ ея блескомъ: она показалась мнѣ мечтою, дивнымъ призракомъ, чуднымъ видѣніемъ. Я все ждалъ, что мысли мои прояснятся, и видѣніе исчезнетъ... Я принялся провѣрять каждую свою мысль, каждый выводъ, каждое обобщеніе,—провѣрялъ десятки, сотни, даже тысячи разъ: тѣмъ не менѣе логика, съ неизмѣннымъ постоянствомъ, упорно вела меня все къ тѣмъ же выводамъ, къ тѣмъ же обобщеніямъ.

Человѣкъ дѣлаетъ открытіе не потому, что онъ этого хочетъ, а потому что онъ не властенъ противиться невѣдомымъ силамъ, управляющимъ законами человѣческаго развитія. Поразительнѣе всего то, что изобрѣтенія и открытія очень часто выпадаютъ на долю обыкновенныхъ смертныхъ. И порохъ, и Америка, и книгопечатаніе открыты обыкновенными людьми, которые ничѣмъ не

возвышались надъ современниками; умри они на канунѣ своихъ открытій, и мы не знали бы о существованіи Шварца, Колумба, Гуттенберга. Между тѣмъ ни Ньютонъ, ни Рафаэль, ни Шекспиръ ничего не изобрѣли. Бездымный порохъ, которому предсказываютъ громадное значеніе, изобрѣтенъ малоизвѣстнымъ лицомъ, а не общеизвѣстнымъ Менделѣевымъ. Чтобы совершить полезное, практическое открытіе или изобрѣтеніе, достаточно посредственнаго ума и незначительной учености; необходимо только одно: чтобы мысль остановилась на одномъ какомъ-нибудь предметѣ и упорно работала въ одномъ и томъ же направленіи; а это не отъ нашей воли зависитъ. Если я, а не другой кто додумался до Новой Азбуки; то это вовсе не значитъ, что я умнѣе или ученѣе тѣхъ, которые до этого но додумались,—произошло же это только потому, что мое вниманіе остановилось на трудностяхъ существующей грамоты. Назовете ли это случайностью, или же опредѣленіемъ невѣдомыхъ силъ, управляющихъ исторіей: во всякомъ случаѣ я здѣсь не повиненъ. Изложенныя въ этой книгѣ мысли до такой степени просты и общедоступны, что до нихъ легко могъ бы додуматься каждый образованный человѣкъ, если бы только его вниманіе остановилось на этомъ предметѣ. Полагаю, что у любого молодаго человѣка, получившаго аттестатъ зрѣлости, хватило бы и ума, и развитія, и учености, чтобы изобрѣсть Новую Азбуку, не хуже моей. Почему же это изобрѣтеніе выпало на долю мнѣ, а не кому-либо другому, десятому, тысячному, милліонному? почему это случилось именно теперь, а не въ прошломъ столѣтіи, или въ прошломъ тысячелѣтіи?—на эти вопросы не можетъ быть отвѣта...

Говоря по справедливости, я долженъ сознаться, что и изобрѣтенія моего здѣсь нѣтъ никакого: тысячу лѣтъ тому назадъ Новую Азбуку изобрѣлъ св. Кириллъ, а мнѣ только удалось уловить идею ея въ древнихъ письменахъ, и примѣнить ее къ русскому языку. Точно также и мысль о способѣ осуществленія азбучной реформы принадлежитъ не мнѣ, а родилась она въ геніальной головѣ Петра Великаго около 200 лѣтъ тому назадъ. Пусть же читатель не смущается неизвѣстностью автора этой книги: пусть читатель только постарается оцѣнить по достоинству древнюю кириллицу и азбучную реформу Петра Великаго, и онъ по необходимости долженъ прійти къ тѣмъ же выводамъ, что и авторъ.

Долго писалъ я свое сочиненіе, потому что перо не разъ вываливалось изъ рукъ: у меня слишкомъ мало надежды, что на мой трудъ будетъ обращено серьезное вниманіе. Первоначально я думалъ-было представить правительству проэктъ Новой Азбуки; но я не зналъ, кому именно представить и какимъ образомъ это сдѣлать. Я пробовалъ обращаться въ этомъ смыслѣ сначала къ одной особѣ, а потомъ и къ другой. Мое ходатайство очень вѣжливо и вполнѣ основательно было отклонено: всѣ власть имѣющіе завалены всевозможными проэктами, такъ что не успѣваютъ разсмотрѣть внимательно даже того, что къ нимъ прямо относится; а у насъ вѣдь нѣтъ правительственнаго органа, вѣдающаго азбукой.

Значеніе Новой Азбуки, какъ оно изложено въ предыдущей главѣ, и мнѣ самому долго казалось невѣроятнымъ; то во сто кратъ невѣроятнѣе оно должно показаться читателямъ. Изложенными мною выводами я овладѣвалъ постепенно, по частицамъ; много затрачено для этого усиленной умственной работы; мнѣ приходилось побѣждать собственные закоренѣлые предразсудки и даже галлюцинаціи. Поэтому для оцѣнки моей книги долженъ немало поработать и читатель: ему нужно не то что читать, а внимательно изучать всю книгу. Гдѣ же найдется такой читатель для неизвѣстнаго автора? Не найти его и днемъ съ огнемъ.

Просить какую-нибудь редакцію о напечатаніи „прилагаемой статьи“ я считалъ безполезнымъ; вѣдь всѣ редакціи завалены статьями о „животрепещущихъ вопросахъ“. Статью неизвѣстнаго автора объ азбукѣ и разсматривать не станутъ. Впрочемъ, можно было бы попробовать; но мнѣ не хотѣлось этого дѣлать и по другой причинѣ: наша пресса подѣлилась на враждебныя партіи, а мнѣ желательно, чтобы Новая Азбука оставалась совершенно въ сторонѣ отъ всякихъ партій. Цѣль моего сочиненія—облегченіе русской грамоты—не имѣетъ никакой связи съ щекотливыми вопросами современной литературы: нѣтъ на свѣтѣ ни одного литератора, который рѣшился бы сказать, что онъ не сочувствуетъ указанной цѣли. Даже и относительно предлагаемыхъ мною средствъ и способовъ облегченія грамоты можно спорить только о ихъ практичности, разумности, цѣлесообразности, а вовсе не о томъ, либеральны ли они, или консервативны. Самый упорный консерваторъ, какъ и самый отчаянный отрицатель могутъ быть тожественныхъ мнѣній о моей книгѣ, нисколько не погрѣшая противъ своихъ убѣжденій.

Вполнѣ объективному отношенію къ Новой Азбукѣ должно способствовать и то обстоятельство, что авторъ ея никому неизвѣстенъ, и что слѣдовательно начальные слоги его—*изма* тоже никому неизвѣстны. Мысль о псевдонимѣ я оставилъ именно изъ желанія устранить всякія гаданія о дѣйствительномъ авторѣ—изъ того онъ или изъ иного лагеря? Лучше ужъ полное невниманіе, чѣмъ партійныя похвалы или порицанія. Пусть читатель (если таковой отыщется) имѣетъ дѣло не съ авторомъ, а съ его сочиненіемъ.

Въ виду такихъ соображеній и рѣшился я печатать свое сочиненіе на собственный рискъ и страхъ,—хотя и рискую остаться безъ читателей. Едва ли поможетъ дѣлу разсылка книги редакціямъ, или рецензентамъ, или вообще кому бы то ни было: вѣдь полученіе дароваго экземпляра, хотя бы и вслѣдствіе „безпредѣльнаго уваженія,“ не обязываетъ читать книгу; обыкновенно книга, преподнесенная неизвѣстнымъ писателемъ, остается неразрѣзанною.

Кто же прочтетъ мое сочиненіе? Кто сдѣлаетъ оцѣнку моему завѣтному труду?

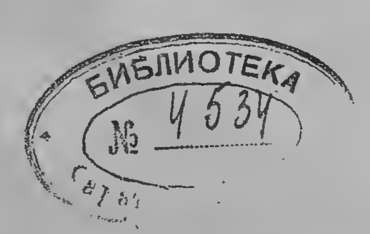
Единственная, хотя и слабая надежда на тебя, мой случайный читатель. Какому бы счастливому случаю я ни былъ обязанъ, что ты дочиталъ до конца книгу, въ которой неизвѣстный авторъ разсуждаетъ объ азбукѣ,—я смотрю на тебя, какъ на союзника, какъ на единомышленника, который тоже готовъ поработать ради распространенія грамоты въ отечествѣ....

Пошлетъ ли мнѣ судьба желаннаго читателя, который обратилъ бы вниманіе общества на мой трудъ, или не пошлетъ его вовсе; станутъ ли читать мою книгу, или же она, вылежавъ узаконенный обычаемъ срокъ, пойдетъ на оберточную бумагу: во всякомъ случаѣ я останусь при непоколебимомъ убѣжденіи, что человѣчество болѣе всего нуждается въ азбучной реформѣ въ указанномъ мною смыслѣ,—что всѣ благія реформы и преобразованія до тѣхъ поръ не будутъ достигать своихъ цѣлей, пока азбуки будутъ вездѣ оставаться въ нынѣшнемъ хаотичечкомъ состояніи,—что нельзя придумать болѣе легкой и удобоисполнимой реформы, какъ азбучная, если только правительства возьмутся за это дѣло. Останусь я при непоколебимомъ убѣжденіи и въ томъ, что пройдутъ года, и высказанныя мною убѣжденія о значеніи Новой Азбуки сдѣлаются всеобщимъ достояніемъ,—пройдутъ года, и азбука вездѣ будетъ подчинена государттвенной

власти,—пройдутъ года, и всѣ народы, принявъ Новую Азбуку, сдѣлаются грамотными,—пройдутъ года, и съ понятіемъ *человѣкъ* сольется понятіе *грамотный*, какъ слилось уже понятіе *словесный*. Тогда-то и начнется новая историческая жизнь, отъ одной мысли о которой духъ захватываетъ!

Я не говорю, что все это произойдетъ именно по моему указанію, потому что я этого и не думаю, и не предполагаю. Сила вещей, логика жизни должна внушить людямъ сознаніе о необходимости Новой Азбуки; сознаніе это должно явиться и въ томъ случаѣ, если бы я вовсе не печаталъ этой книги, или если бы она, отпечатанная, не нашла ни одного серьезнаго читателя. Пока грамотность считалась привиллегіей лишь нѣкоторыхъ классовъ общества, до тѣхъ поръ могли и не задумываться надъ трудностью грамоты; но теперь грамота считается достояніемъ всѣхъ, и послѣднихъ бѣдняковъ. Уже и теперь все чаще раздаются голоса о рецидивистахъ безграмотности; стараются отыскать причины этого явленія, а отсюда одинъ шагъ до дѣйствительной причины, состоящей въ непомѣрной трудности грамоты. Разъ общественная мысль остановится на этой причинѣ, останется еще одинъ только шагъ и до Новой Азбуки. Просвѣщенные народы не могутъ не сдѣлать этихъ двухъ шаговъ, если только въ ихъ дѣйствіяхъ есть хоть какой-нибудь смыслъ. Да, Новая Азбука все-таки будетъ принята, потому что польза ея и громадна, и очевидна. Весь вопросъ во времени: никто не можетъ предсказать, совершится ли это черезъ нѣсколько лѣтъ, или черезъ нѣсколько десятилѣтій, или черезъ нѣсколько столѣтій? Не обратятъ вниманія на мои слова,—пусть и такъ: всякому своя судьба, и отъ нея не уйдешь; тѣмъ не менѣе явится другой, третій, десятый все съ той же идеей Новой Азбуки; кому-нибудь удастся же наконецъ обратить вниманіе на свои рѣчи.

Во всякомъ случаѣ не за горами то время, когда какой-нибудь знаменитый докторъ Копфманъ, въ пылу дебатовъ изъ-за упраздненія готики, нападетъ на мысль о Новой Азбукѣ, и сообщитъ объ этомъ въ какой-нибудь ученой нѣмецкой конференціи. Объ изобрѣтеніи доктора Копфмана застучатъ телеграфные аппараты по всей землѣ, а въ Россіи громче всего. Народы запада приступятъ къ азбучной реформѣ, а тогда и мы за ними съ подобающей постепенностью... Вотъ это-то послѣднее обстоятельство и досадно!

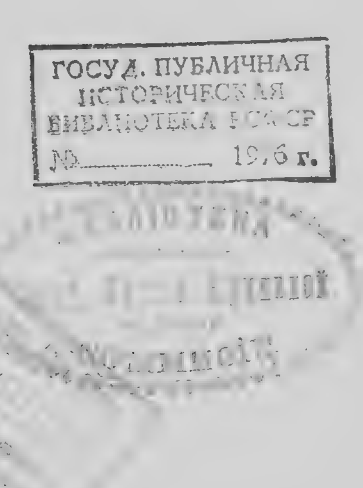


Впрочемъ такъ или иначе, а Новая Азбука все-таки восторжествуетъ!

Мнѣ мерещится иногда и такая картинка изъ отдаленнаго будущаго. Черезъ много лѣтъ, когда все человѣчество сдѣлается уже грамотнымъ, какой-нибудь ученый русскій археологъ поймаетъ въ руки случайно уцѣлѣвшіе остатки одного изъ экземпляровъ моей книги, примется за изученіе этой старины и напишетъ ученое разсужденіе, въ которомъ докажетъ, что первоначальная идея Новой Азбуки высказана была въ Россіи еще за долго до доктора Копфмана... Согласитесь, что это даже смѣшно, хотя и не ново! Жаль только, что въ той книгѣ, которая уцѣлѣетъ до того времени, послѣднія страницы будутъ уничтожены временемъ.

1861—1891 годы.

Конецъ.



Цѣна 50 коп.

Складъ изданія у автора (Александра Ивановича Лоначевскаго) въ г. Гомелѣ, Могилевской губ.

